

К. В. Тигарев

Суворов

огиз · госполитиздат · 1945

ВВЕДЕНИЕ

Победный грохот пушек под Полтавой в 1709 году возвестил миру о совершеннолетию русского оружия. Созданная Петром I регулярная русская армия завоевала себе прочное место в ряду лучших западноевропейских армий. Пётр I явился основоположником русского национального военного искусства. Над укреплением и расширением его величественного здания потрудились непосредственные продолжатели военных преобразований и военно-воспитательных традиций Петра I — замечательный полководец Румянцев и гениальный творец русской науки побеждать Суворов.

«Три воинские искусства», три залога победы, были вознесены Суворовым на невиданную до него высоту — «глазомер, быстрота и натиск».

«Непрестанное изощрение глазомера сделает тебя великим полководцем», — написал Суворов в одном из своих наставлений. «Выше всего глазомер», — не устал напоминать он в своих поучениях.

Что разумел великий полководец под понятием *глазомера*? Умение пользоваться положением места, умение определить, где стать лагерем, где «атаковать, гнать и бить» противника, умение разгадывать и предупреждать его намерения. Суворов обладал поразительным даром такого полководческого прозрения. «Когда он появлялся перед противником,—рассказывает современник, неоднократно близко наблюдавший Суворова на поле боя,—то всё уже было им предвидено заранее. Но если какой-нибудь случай или местные обстоятельства требовали перемены, он делал её с такою быстротою, что никто не мог заметить, есть ли эта перемена самопроизвольное творчество данного момента или исполнение первоначального решения».

Вторым важнейшим качеством воинского искусства, доведённым до совершенства Суворовым, была *быстрота*. «Деньги дороги, жизнь человеческая ещё дороже, а время дороже всего», — таково было убеждение Суворова. Быстрота помогала ему подчинять себе драгоценное время. Стремительность суворовских переходов и внезапность нападения позволяли ему застигать противника врасплох, неуклонно вырывая из его рук инициативу.

Третий залог победы — *натиск* — как нельзя лучше определяет сущность суворовской стратегии и тактики. Его стратегия и тактика были всегда активны. Ничто так не претило Суворову, как пассивность. Он ненавидел её во всём. По своей натуре он был исключительно деятелен,

активен. Боевой путь Суворов начинал в то время, когда в Западной Европе искусство полководца расценивалось в зависимости от его умения избегать боя. Для Суворова мерилом подлинного мастерства полководца являлось как раз обратное — умение дать сражение.

Активность суворовской стратегии отчётливо выражена им в следующих словах: «Оттеснён враг—неудача; отрезан, окружён, рассеян—удача». Это значит, что главной целью войны Суворов считал не овладение крепостями, не захват территорий, а сокрушение боеспособности противника, разгром его живой силы. Ему мало было чести выиграть поле сражения; он немедленно переходил к преследованию врага, зная, что «бегущего неприятеля истребляет одно преследование».

Свыше пятидесяти лет своей жизни не выпускал оружия из рук великий Суворов. Ни разу за всё время своей боевой и полководческой деятельности он не был побеждён. Успех, счастье и умение сопутствовали ему на полях сражений. Он гордился тем, что почти все его победы были одержаны им над численно превосходящим противником. Эти триумфы Суворова—блестящие примеры высокого уровня русского военного искусства. Жизнь и подвиги Суворова были вдохновенным служением родине. «Покажи на деле, что ты русский!» — любил повторять он, поощряя своих «чудо-богатырей». Сам Суворов показал это на деле. И он имел полное право закончить свою автобиографию словами: «Потомство моё прошу брать мой пример».

Александр Васильевич Суворов родился 13 ноября 1730 года в Москве. Он был сыном подпоручика лейб-гвардии Преображенского полка Василия Ивановича Суворова от брака с дочерью дьяка Евдокией Федосеевной Мануковой. В. И. Суворов начал службу денщиком и переводчиком при Петре I, который был его крёстным отцом. Впоследствии он дослужился до высоких званий и должностей на военном и гражданском поприщах. В Семилетнюю войну он занимал пост губернатора Восточной Пруссии, оккупированной русскими войсками, причём, по свидетельству современников, строжайшим образом соблюдал «пользу государственную». Умер он при Екатерине II, в 1775 году, сенатором и генерал-аншефом.

Александр Суворов, единственный сын в семье, рос впечатлительным и нервным ребёнком. Чтение с ранних лет сделалось его страстью. Его детская фантазия была увлечена героическими образами русских воинских повестей и сказочно-рыцарских романов. Много лет спустя знаменитый полководец любил наделять именами сказочных и былинных богатырей своих отличившихся подчинённых. «Он—русский, он—Илья Муромец, он—Еруслан Лазаревич, он—Добрыня Никитич»,—восклидал в таких случаях Суворов. Эти образы полюбились ему с детства. И, конечно, такие герои русских сказок, как Еруслан Лазаревич, шести лет укрощающий непокорного коня, спящий на «войлочке», подложив под голову

«седло черкесское», побивающий один тьму-тьмушую врагов, не могли не воспламенить воображения мальчика. Таковую же роль сыграли и некоторые переводные военно-исторические сочинения, появившиеся у нас ещё в петровскую эпоху и знакомившие с деяниями Юлия Цезаря, Александра Македонского и других полководцев древности. Некоторые из этих сочинений, отысканные им в библиотеке отца, Суворов запомнил на всю жизнь и впоследствии указывал на них как на книги, «возбуждающие к мужеству».

Под влиянием прочитанного в Суворове зародилось непреодолимое стремление к ратному поприщу. Оторвавшись от книг, он принимался в любую погоду без усталости скакать верхом в мечтах о подвигах, подобных подвигам его любимых героев.

Между тем В. И. Суворов прочил сына не в военную, а в гражданскую службу. Хрупкое сложение и хилое здоровье мальчика были тому причиной. Воинственных задатков маленького Александра отец не поощрял.

Известному «арапу Петра Великого» А. П. Ганнибалу выпала честь определить призвание будущего полководца. С В. И. Суворовым он был дружен и бывал у него в доме. Застав однажды одиннадцатилетнего Александра в беседе с его «мёртвыми приятелями»—книгами, Ганнибал расспросил его о прочитанном и убедил отца не препятствовать наклонностям сына. Для большей убедительности он прибавил, что если бы

жив был Пётр Алексеевич, то похвалил бы ребёнка и поцеловал бы его в лоб. Авторитет Петра I склонил В. И. Суворова: отныне будущее мальчика было решено.

В октябре 1742 года в канцелярию лейб-гвардии Семёновского полка поступило прошение от «недоросля Александра Васильева сына Суворова» о зачислении его на военную службу рядовым. Как известно, Пётр I предписал всем дворянам, поступающим на военную службу, начинать её с нижнего чина. Закон этот соблюдался, впрочем, чисто условно. Родители записывали новорождённого сына капралом или сержантом в гвардию. Послужной список такого гвардейца начинал заполняться тогда, когда он, числясь в отпуску, находился ещё на попечении мамушки или дядьки. Отец Суворова своевременно не воспользовался для своего сына этой привилегией, и последний был принят в Семёновский полк рядовым. Однако он тут же был отпущен на два года домой для изучения «указных наук».

В чём заключались эти «указные науки»? Суворову предстояло ознакомиться с началами «военной экзерциции» (строевого обучения) и пройти курс геометрии, тригонометрии, фортификации, артиллерийского и инженерного дела. В круг обязательных предметов входили также арифметика и иностранные языки, но Суворов арифметике и французскому языку обучался ещё раньше, «на своём коште».

Каждые полгода В. И. Суворов обязан был представлять в полковую канцелярию сведения

о ходе занятий своего сына. К сожалению, эти сведения до нас не дошли. Но из других источников известно, что молодой Суворов не ограничивал своего самообразования кругом «указных наук», что он присоединил к ним географию, всеобщую историю и философию. Тогда же приступил он к изучению немецкого и итальянского языков.

Пребывание рядового Суворова под родительским кровом длилось не два года, а пять с лишком лет, так как по ходатайству отца ему была предоставлена дополнительная отсрочка.

25 апреля 1747 года Суворов производится в капралы, а с 1 января 1748 года начинает нести действительную военную службу. Находясь в Семёновском полку, Суворов наряду с прочими дворянами пользовался многими льготами. Он, например, имел собственную прислугу, жил не в казармах, а на квартире у дяди, при передвижениях полка ехал на перекладных, а не шёл с полком. Но и тогда Суворов проявлял уже присущее ему рвение к службе и исключительную добросовестность в исполнении своих воинских обязанностей.

Особенно часто приходилось Суворову нести дежурства при госпитале. Он должен был следить, чтобы «солдаты, как пищу, так и прочее, получали всё справно», а при смене рапортовать, сколько в госпитале больных, перечислить их поимённо и указать, «какими болезнями одержимы».

Суворов своей исполнительностью заслужил полное доверие полкового начальства и потому чаще других назначался на эти дежурства.

Если Суворов впоследствии требовал от своих подчинённых строгой дисциплины, то в бытность свою в Семёновском полку он сам показывал пример беспрекословной «субординации» (послушания) и неуклонного выполнения воинского устава. Однажды императрица Елизавета Петровна обратила внимание на выправку молодого капрала, стоявшего на часах. Узнав, что это сын В. И. Суворова, крестника её отца, Елизавета подала ему серебряный рубль. Суворов отказался принять его, сославшись на запрещение устава.

От своих товарищей-дворян Суворов отличался усердием к службе. С течением времени он выработал тот строгий идеал солдата, которому столь неуклонно следовал в течение всей своей зрелой жизни. Говоря, что в службе не до роскоши, Суворов припоминал, как в годы его молодости его однополчане окружали себя всевозможными удобствами, пренебрегая своим служебным долгом.

Служба Суворова в Семёновском полку продолжалась немногим более шести лет. В конце апреля 1754 года он был произведён в поручики, а в мае того же года получил назначение в армейский Ингерманландский пехотный полк.

«Я не прыгал смолоду», — говорил Суворов, намекая на то, что офицерский чин достался ему позже, чем многим его сверстникам. Действительно, ему шёл двадцать четвёртый год, когда

он стал офицером. В эти годы некоторые были уже генералами.

Годы солдатской и сержантской службы в Семёновском полку были для Суворова годами накопления опыта, впечатлений и наблюдений, не прошедших для него даром.

Суворов неустанно учится, стараясь всячески расширять и углублять свои знания. Скучные средства, которые отпускал ему отец, он тратил исключительно на покупку книг. Большое значение в деле умственного развития Суворова имела его связь с Сухопутным кадетским корпусом.

Это учебное заведение, предназначенное для подготовки молодых людей к государственной, военной и гражданской службе, возникло в Петербурге в 1732 году. Воспитанниками корпуса были такие выдающиеся русские люди XVIII века, как фельдмаршал П. А. Румянцев, которого Суворов считал одним из своих учителей, писатели А. П. Сумароков и М. М. Херасков и многие другие. Некоторые из них и по выходе из корпуса не порывали с ним связь. В стенах корпуса было образовано первое Общество любителей российской словесности. Там же существовала своя сцена, сыгравшая немаловажную роль в истории русского театра. Сценические и литературные интересы были очень развиты среди кадет. Когда в 1755 году при Академии наук начал выходить журнал под названием «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», воспитанники Сухопутного кадетского корпуса стали печатать в нём свои произведения.

Суворов не был питомцем корпуса, но имеются данные, что он слушал там лекции. Непосредственное же участие его в Обществе любителей российской словесности удостоверяется свидетельством Хераскова. О литературных занятиях кадет С. Н. Глинка рассказывал с его слов следующее: «В праздничные дни и в часы свободные читали они друг другу первые опыты сочинений своих и переводов. Тут не было ни зависти, ни соперничества; тут было одно наслаждение мысли и души». Суворов не только посещал эти литературные собрания, но и сам выступал с чтением своих «Разговоров в царстве мёртвых».

Эти опыты суворовского пера сохранились. Они ещё в 1755—1756 годах были напечатаны в академическом журнале «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». По форме они повторяют весьма распространённые в то время произведения, авторы которых вкладывали в уста давно умерших исторических героев рассуждения о чести, гордости, благородстве, доблести и тому подобных вопросах нравственного поведения человека. Рассуждения эти носили отчётливо выраженный нравоучительный характер.

Содержание суворовских «Разговоров в царстве мёртвых» знаменательно. В первом из них Суворов заставляет Александра Македонского спорить с Геростратом на тему о славе. Цель спора знаменитого полководца древности с человеком, который из жажды прославиться каким бы то ни было способом сжёг храм Дианы в Эфесе, считавшийся красивейшим в мире, — до-

казать, что нельзя смешивать истинную славу и пустое тщеславие. Второй разговор, который ведут между собой испанский завоеватель Мексики Кортес и последний её властелин Мотецума, посвящён развитию мысли о том, что «благость и милосердие потребны героям». К обеим этим темам Суворов не раз потом возвращался в своих наставлениях. В сущности, «Разговоры в царстве мёртвых» уже содержали в себе зёрна двух положений, сформулированных Суворовым в его известных изречениях: «Истинная слава проистекает из самопожертвования на пользу общего блага» и «Без добродетели нет ни славы, ни чести».

«Разговоры в царстве мёртвых» интересны, во-первых, как свидетельство того, что в сознании молодого Суворова уже ясно обрисовывались высокие идеалы Суворова-полководца, во-вторых, они обнаруживают большую начитанность офицера Ингерманландского полка в древней и новой истории.

Юношеские годы Суворова поучительны во многих отношениях. Они показывают нам Суворова ещё не вполне сложившегося, ещё не обогащённого боевым опытом, но сильного своей целеустремлённостью. В воинственных увлечениях Суворова-ребёнка мы угадываем не простое мальчишество, а рано осознанное призвание. Чрезвычайная любознательность и усердие в самообразовании, проявленные Суворовым-юношей, не только не ослабели, но возросли с течением лет. Именно это свойство и превратило Суворова

в образованнейшего человека своей эпохи, в «настоящее чудо знаний», в «учёнейшую военную академию», как с восторгом отзывались о нём современники-иностранцы. Эти знания Суворов черпал, где только мог. Соглашаясь с английским философом Локком, что память — кладовая ума, Суворов говорил: «В этой кладовой много перегородок, а потому и надобно скорее всё укладывать, что куда следует».

Из других отличительных черт Суворова за время прохождения им солдатской и сержантской службы в полной мере сказалось его рвение к своим служебным обязанностям. Если он и пользовался кое-какими привилегиями, которые предоставлялись служившим в полку дворянам, то при этом он никогда не поступался своим долгом: он аккуратно и исполнительно нес обязанности низших чинов.

Служба в Семёновском полку много дала Суворову в смысле знакомства с солдатской средой. Нужно было, однако, пополнить и расширить приобретённый жизненный опыт впечатлениями боевыми. Своё боевое крещение Суворов получил в Семилетней войне.

II

Семилетнюю войну 1756—1762 годов Россия вела в союзе с Австрией, Францией, Швецией, Саксонией и Польшей против прусского короля Фридриха II, чья завоевательная политика внушала тревогу европейским державам.

Суворов был очевидцем разгрома пресловутой армии Фридриха при бранденбургском селении Кунерсдорф 1 августа 1759 года. Поражение пруссаков могло бы стать окончательным, если бы русский главнокомандующий П. С. Салтыков проявил то же упорство в преследовании отступающего врага, каким впоследствии отличался Суворов. Но лично храбрый Салтыков был связан в своих действиях союзниками-австрийцами. К тому же он считал, что русские выполнили свой долг, разбив пруссаков при Кунерсдорфе, дальнейший же их разгром — дело австрийцев. Так или иначе, он не послал преследовать по пятам бегущего противника и тем самым дал Фридриху возможность собраться с силами.

На общем фоне вялости и нерешительности, присущих военачальникам, возглавлявшим в то время русскую армию, решительность молодого подполковника Казанского пехотного полка Суворова бросается в глаза. «На месте главнокомандующего я бы сейчас пошёл на Берлин — и война могла бы кончиться», — заявил он после Кунерсдорфской битвы. Именно этого и боялся Фридрих. «Уезжайте из Берлина, — писал Фридрих королеве, — пусть перевезут архивы в Потсдам; Берлин, может быть, вынужден будет начать переговоры с неприятелем».

На первых порах Суворов занимал интендантские и штабные должности, мало его удовлетворявшие. Одно время он был комендантом Мемеля. В 1760 году В. И. Суворов ходатайствовал о переводе сына в полевые войска, ибо он «по мо-

людым летам желание и ревность имеет ещё далее в воинских операциях практиковаться». Ходатайство это было уважено. В 1761 году, находясь в составе лёгкого кавалерийского корпуса генерала Берга, Суворов проявил себя «быстрым в рекогносцировке, отважным в бою и хладнокровным в опасности». Он неутомимо тревожит противника своими неожиданными и смелыми кавалерийскими налётами. Один из наиболее удачных набегов был совершён им на укреплённый город Ландсберг. Суворов со своим казачьим отрядом форсировал ночью реку Варту и ворвался в Ландсберг через городские ворота. Две прусские команды, находившиеся в городе, немедленно сложили оружие. Старые суворовские ветераны, прошедшие вместе с ним славный боевой путь, вспоминали, как однажды Суворов с одним эскадроном гнал целый полк пруссаков. В сражении при Гольнау Суворов был ранен картечью в грудь и контужен в ногу, причём сам оказал себе первую помощь. Есть сведения, что в 1760 году Суворов принимал участие в занятии Берлина отрядом Тотлебена.

Победы русского оружия в Пруссии, предвещавшие полное поражение Фридриха, были пресечены внезапной смертью императрицы Елизаветы. Её племянник и наследник Пётр III, преклонявшийся перед Фридрихом, тотчас же по вступлении своём на престол заключил мир с Пруссией, уступив все плоды долгой и трудной войны.

Семилетняя война завершает период учениче-

ства Суворова. Она явилась для него хорошей школой. Она показала ему, чем крепка и чем слаба была русская армия того времени.

Основные недостатки её были результатом того, что немцы, пробравшиеся на командные посты русской армии, после смерти Петра I вводили новые порядки. Военный устав Петра отменён не был, но был лишён своей живой сущности. Обучению войск попрежнему придавалось большое значение, но обучение не сопровождалось воспитанием. В этом заключалась коренная разница между духом военной системы Петра I и военной системой, перенятой у Запада. Вместо петровского предписания сознательного отношения к военному обучению требовалось слепое исполнение команды. Основное, главное упускалось ради второстепенного — всевозможных мелочей «ружистики». Дисциплина превратилась в средство угнетения и подавления морального достоинства человека. Социально-экономические особенности России, социальный состав русской армии, набиравшейся из крепостных, создавали для этого благоприятную почву.

В походных и боевых условиях русская армия отличалась малой подвижностью и неспособностью к маневрированию.

Таковы были отрицательные стороны русской армии середины XVIII века, в эпоху вступления Суворова на военное поприще. Но наряду с ними существовали неопределимые положительные стороны, которые признавались даже нашими врагами.

Фридриху II принадлежат слова: «Русского солдата мало убить; его надо ещё и мёртвого повалить».

Исключительная стойкость в бою и беспримерная выносливость в походе составляли неискоренимую особенность русского солдата. Эти качества помогли ему в Семилетней войне одержать верх над таким сильнейшим противником, каким являлся Фридрих.

От лучших западноевропейских армий, вербовавшихся в значительной части из наёмных войск различных национальностей, русская армия отличалась тем, что была национальна по своему составу. Стойкость русского солдата была неразрывно связана с чувством национальной чести.

Суворов смолоду отлично постиг природу русской армии. Он понял, что русский солдат в руках умелого и любящего его начальника будет непобедим. Но для этого нужно воспитать солдата и, воспитывая, завоевать его доверие.

За это и принялся Суворов вскоре по окончании Семилетней войны.

В конце 1763 года он вступил в командование Суздальским пехотным полком. Суздальский полк был расквартирован в городе Новая Ладога. Там, в период 1763—1768 годов, и занимался Суворов обучением солдат по-своему.

Есть сведения, что основные положения разработанной им военно-воспитательной системы тогда же были изложены в письменной форме, в виде так называемого «Суздальского учреждения». Документ этот не сохранился. Его отсутствие

до известной степени восполняется приказами и наставлениями Суворова 1770—1771 годов, времени первой польской войны. В них он нередко ссылаясь на своё «Суздальское учреждение», и это даёт возможность в общих чертах составить себе понятие о нём.

Основная сущность военно-педагогической системы Суворова с наибольшей яркостью определена в записках Дениса Давыдова: «Суворов положил руку на сердце русского солдата и изучил его биение. Найдя повиновение начальству, сей необходимый, сей единственный склей всей армии, — доведённым в нашей армии до совершенства, он... удесятерил пользу, приносимую повиновением, сочетав его в душе нашего солдата с чувством воинской гордости и уверенности в превосходстве его над всеми солдатами в мире, — чувством которого следствию нет пределов».

Подсознательно чувство это всегда жило в душе русского воина. Значение Суворова в том, что он воспитывал в нём сознательность этого чувства.

В этом — нравственная основа суворовского военного искусства, преемственно связанного с военным искусством Петра I.

Суворовская система военного воспитания возникла как противовес прусской военной системе Фридриха II, считавшейся последним словом западноевропейской военной мысли. В то время как в глазах Фридриха II солдат был просто-напросто автоматом, «стреляющей машиной», лишь бы только он был хорошо обучен, — в глазах Суворова солдат был прежде всего *человеком*, основной

силой армии. В солдате Суворов воспитывал не только боевые, но и человеческие качества. В его представлении они были неразрывно связаны, и нравственный облик солдата служил залогом достойного поведения его в бою.

В практике прусского военного обучения под дисциплиной разумелось слепое повиновение. В системе суворовского военного воспитания дисциплина была сознательным исполнением своего долга. Внушая молодым офицерам обязанности образцового командира, Суворов требовал от них «подчинения без униженности».

Дисциплина в петровско-суворовском понимании не только не исключала частной инициативы, а, наоборот, предоставляла ей широкие возможности.

Развитию сметливости, находчивости, инициативы и была подчинена военно-воспитательная система Суворова.

Новаторство Суворова заключалось в том, что он стал приучать своих подчинённых к мысли, что «солдат и в мирное время на войне». Для этого он проводил учения в обстановке, близкой к походным условиям, устраивал форсированные марши и ночные манёвры, придавая большое значение физической тренировке солдат. Он заставлял их перепрыгивать через рвы, переправляться вброд и вплавь через реку. Особенное внимание уделял Суворов меткости стрельбы и мастерству штыкового боя.

Известная поговорка Суворова «Пуля — дура, штык — молодец!» нередко подавала повод к

ошибочному выводу, что Суворов пренебрегал огнестрельным оружием. Между тем уже в пору «Суздальского учреждения» Суворов часто заканчивал строевые занятия стрельбой в мишень, невзирая на дождь и стужу. Если же всё-таки в суворовской системе воинского обучения штык занимал всегда первенствующее место, то это происходило по двум причинам. Во-первых, в западноевропейском военном искусстве штыковой бой был в полном упадке. На это указывает позднейшая поговорка Суворова: «У неприятеля те же руки, да русского штыка не знают». Во-вторых, приучая своих солдат любить штык, Суворов тем самым воспитывал в них чувство храбрости и презрения к смерти. Суворов не переставал напоминать, что именно штык приводит солдата в непосредственное столкновение с противником. А «чем ближе к врагу, тем лучше».

Вместе с тем Суворов внушал, что одной храбрости солдату мало, что храбрость должна сочетаться с умением. Умение придаёт солдату уверенность, «на себя надёжность», а это и есть «основание храбрости». Эту мысль свою он пояснил однажды следующим примером: «Четвёртого гренадерского полка люди бодры, мужественны, да не храбры; что тому причина? Они на себя не надёжны».

Суворов говорил, что храбрость, т. е. умение драться и уверенность в себе, является основным качеством, которого он требует от солдата. Но храбрость не должна быть безотчётной. Тогда уже Суворов неотступно преследовал ту

задачу, которую много позже он сформулировал в словах: «Каждый воин должен понимать свой манёвр».

Успехи, достигнутые Суворовым в деле обучения Суздальского полка, были настолько значительны, что в 1765 году полк был назначен участвовать в Красносельских манёврах.

Войска, собранные в Красном Селе, были разделены на две армии: первой командовала сама императрица Екатерина, вторую возглавлял Пётр Панин. В состав армии Екатерины входил и суворовский полк, с успехом производивший «наступательные движения».

Переход из Новой Ладogi в Красное Село и обратно был совершён Суворовым форсированными маршами. И в походе и на манёврах Суздальский полк выказал быстроту и подвижность, т. е. именно те качества, которых в первую очередь недоставало русской армии. Они были приобретены суздальцами в результате ежедневных предварительных упражнении.

В 1771 году Суворов писал, что он держится правила: «Готовься в войне к миру, а в мире к войне».

Военно-воспитательная деятельность Суворова в качестве полковника Суздальского пехотного полка служила живой иллюстрацией второй части этого положения: *готовься в мире к войне*.

Вся полководческая деятельность Суворова, в полном блеске развернувшаяся с 1773 года, со времени первой турецкой войны, явилась ярким развитием первой части того же положения: *готовься в войне к миру*.

Осенью 1768 года Суздальский пехотный полк получил предписание выступить к Смоленску. Там он должен был войти в состав корпуса, формировавшегося для усиления русских войск в Польше. Очередные внутренние раздоры в Польше грозили целостности русских границ.

Для борьбы с польскими конфедератами, восставшими против польского короля, которого поддерживало царское правительство, были направлены русские войска.

Несмотря на ноябрьскую распутицу, «в грязь и слякоть» Суворов прошёл путь более чем в 850 вёрст в течение 30 дней. Это был первый, удививший современников своей быстротой переход Суворова.

Весной 1769 года Суворов со вверенной ему бригадой поступил под начальство главнокомандующего русскими войсками в Польше И. И. фон Веймарна.

После ряда удачных частных поисков Суворову поручается наблюдение за Люблинским районом. Ввиду центрального местоположения района, вынуждавшего наблюдательный отряд Суворова действовать в различных направлениях, поручение это было чрезвычайно ответственным. Вместе с тем характер местности, пересечённой холмами, лесами и болотами, создавал большие трудности для борьбы с польскими конфедератами. В этой обстановке Суворов показал своё умение вести партизанскую войну, скрытно и

быстро настигая и рассеивая отдельные, разобщённые между собой партии противника.

Действия конфедератских отрядов принимают организованный характер лишь с того момента, когда Франция, поддерживавшая конфедератов, прислала для военного руководства ими талантливого и энергичного полковника Дюмурье. При нём отряды конфедератов добились некоторых успехов. Зато Суворов поставил отныне своей задачей разгадать и сорвать планы противника. И это ему удалось... «Кто отважен и смело идёт прямо на неприятеля, тот одержал уже половину победы», — говорил он. В получасовом бою 10 мая 1771 года он разбил Дюмурье под Ландскороной, где последний собирал войска для открытия решительной кампании против русских. Суворов произвёл кавалерийскую атаку позиции Дюмурье с той стороны, откуда эта атака была наиболее трудна. Расчёт Суворова оказался верен. Конфедераты считали атаку в этом пункте невозможной и заранее обречённой на провал, а это именно и обеспечило её победный исход. Дюмурье был так потрясён происшедшим, что оставил свои войска и уехал во Францию. Это ему не помешало порицать с точки зрения тактики действия Суворова под Ландскороной, доказывая, что Суворов рисковал потерпеть поражение. Вообще тактические приёмы Суворова были столь необычны, что подавали его противникам повод к довольно наивным объяснениям: «Бывало, займёшь позицию, ждёшь русских с фронта, а он бросается либо с тыла,

либо во фланг; мы разбегались более от страха и внезапности, нежели от поражения».

С отъездом Дюмурье польские конфедераты снова оказались без единого руководства и предоставленными самим себе. Большую надежду возлагали они на присоединение к ним литовского гетмана Огинского. Опять-таки не дожидаясь, пока Огинский атакует русских, Суворов в ночь на 12 сентября 1771 года сам напал на него в местечке Столовичи. К утру селение было очищено, и Суворов продолжал преследовать бегущего в панике противника за пределы Столовичей. Силы Огинского под Столовичами доходили до 3 тысяч человек. У Суворова под ружьём было всего лишь 822 солдата и офицера. Количество пленных значительно превышало состав суворовского отряда. «Простительно, если вы по первому слуху сему сомневаться будете, ибо я и сам сомневаюсь, только правда», — доносил Суворов начальству.

Победа при Столовичах служит подтверждением следующего положения Суворова: «Искусно произведённые внезапные нападения всегда удаются; ночью беззаботный солдат, пробуждённый вдруг от сна, редко оказывает сильное сопротивление; чем неожиданнее опасность, тем большею кажется она ему, и первую мысль внезапно атакованного ночью неприятеля есть не сопротивление, но спасение себя бегством».

Решительный удар был не единственным средством, которым пользовался Суворов для умиротворения края. Он считал, что «благомудрое

великодушные» не менее полезно, чем карающий меч. Непримиимый по отношению к вооружённому и сопротивляющемуся противнику, Суворов требовал от своих солдат и офицеров гуманного обращения с противником, складывающим оружие. Он приказывал кормить пленных хорошо, «хотя бы то было и сверх надлежащей порции». Такого же гуманного отношения требовал Суворов и к мирному гражданскому населению.

Успехи в Польше дорого стоили Суворову. «Здоровьем поослаб, хлопот пропасть», — жалуется он в одном письме. Вместе с тем военные операции в Польше не представляли для него интереса. Его влекло на Дунайский театр военных действий, где в это время шла война с Турцией и откуда доносился гул блестящих побед Румянцева.

Только в 1773 году исполнилось желание Суворова. Он был отправлен на Дунай. Назначенный в дивизию графа И. П. Салтыкова, Суворов получил небольшой отряд в 500 человек и расположился на левом берегу Дуная у Негоештского монастыря, напротив турецкого города Туртукай.

До открытия кампании 1773 года намечено было произвести несколько мелких демонстративных поисков с целью отвлечения внимания турок от движения наших главных сил, находившихся под командованием Румянцева. Один из таких поисков был поручен Суворову. К 8 мая все приготовления были окончены. Однако в ночь с 8 на 9 мая турки сами атаковали русских

у Негоештского монастыря. Их кавалерийский налёт был отбит, но расположение суворовского отряда было обнаружено и расчёт на внезапность поиска потерян. Тогда Суворов решил атаковать противника в ту же ночь, естественно полагая, что турки после своей только что отбитой атаки не ожидают такого скорого появления русских на своём берегу.

В сумерки войска Суворова приблизились к месту переправы. Их было немного и двигались они под прикрытием своеобразной «завесы» пыли, поднятой ехавшими впереди фурами. Всего в распоряжении Суворова было 500 пехотинцев, 150 карабинер и 60 казаков. С ними Суворову предстояло переправиться на противоположную сторону Дуная, подняться на крутой берег, захватить четыре батареи, штурмовать три лагеря и занять город. Силы противника, сосредоточенные у Туртукая, достигали 4 тысяч человек.

Когда стемнело, начали переправляться на судах. Несмотря на встречный огонь турок, высадка была произведена благополучно. Войска тотчас же перешли в стремительное наступление.

Солнце ещё не взошло, когда Суворов послал Салтыкову донесение, состоявшее всего из нескольких слов: «Ваше сиятельство, мы победили. Слава богу, слава вам!» Ему приписывают ещё двестишие, якобы посланное Румянцеву:

Слава богу, слава вам,
Туртукай взят, и я там.

Сам Суворов при атаке одной батареи был ранен в ногу осколками разорвавшейся пушки и

едва не погиб от сабли наскочившего на него янычара.

Атака была столь ожесточённой, что пленных не брали. К четырём часам ночи бой был закончен.

Чтобы лишить противника пристанища, Туртукай был сожжён до основания. Однако турки сумели восстановить свой лагерь, и через месяц с небольшим Суворову пришлось повторить поиск на Туртукай.

В августе того же года Суворову была вверена охрана Гирсова — важного пункта, обеспечивавшего переход нашей армии на правый берег Дуная.

Утром 3 сентября десятитысячный корпус турок показался перед Гирсовым. Возводимые русскими укрепления ещё не все были закончены. Суворов приказал войскам занять их, но не открывать огня по противнику. Вперёд были направлены казаки, которые более часу вели перестрелку с неприятелем, задерживая его наступление, а затем, по приказу Суворова, обратились в поспешное бегство. Ободрённые этим и введённые в заблуждение безмолвием наших батарей, турки стали развёртываться по-европейски в три линии.

«Смотрите, басурманы хотят сражаться в порядке, — дорого же они поплатятся за это», — произнёс с усмешкой Суворов.

Только тогда, когда турки вплотную приблизились к ближайшему окопу, они были осыпаны картечью и встречены частым ружейным

огнём. В то же время оба фланга противника были внезапно атакованы скрытно расположенными пехотной бригадой и кавалерией. Неприятель держался недолго. Казаки и гусары преследовали его на протяжении тридцати вёрст. Турки оставили на поле боя и на пути своего бегства свыше 1 100 убитых, 7 орудий и весь обоз.

Под Гирсовым Суворов мастерски осуществил манёвр активной обороны, сильно поколебавший нравственные силы противника. Окончательный подрыв боеспособности врага был достигнут Суворовым в результате поражения сорокатысячного корпуса турок при Козлуджи 9 июня 1774 года. Вспоминая впоследствии про это сражение, Суворов писал одному своему сратнику: «Мы дрались часто с варварами один против десяти, что вы сами изволили испытать мужеством вашим при Козлуджи». Соотношение борющихся сторон здесь несколько преувеличено, но при Козлуджи, действительно, на одного русского приходилось пять турок. Сам Суворов всё время был «в огне и в трудном бою», т. е. в рукопашной схватке.

Месяц спустя, 10 июля 1774 года, был подписан Кучук-Кайнарджийский мир с Турцией. По мирному договору Турция уступила России Кинбурн, Еникале, Керчь и Азов, предоставила ей право свободного плаванья по Чёрному морю, обязалась уплатить 4 с половиной миллиона контрибуции и согласилась признать независимость Крыма. Этим был сделан первый шаг к приобретению всего Крымского полуострова.

Последующие тринадцать лет (1774—1787) жизни Суворова были посвящены военно-административной деятельности. Он попеременно командует кубанским и крымским корпусами, московской, казанской, владимирской и петербургской дивизиями. Его посылают всюду, где требуется проявить энергию и умение. Так, например, большое значение представляла произведённая им реорганизация кубанской оборонительной линии против ногайских татар.

Однако военно-административная работа была ему не по сердцу. Походная и боевая обстановка были настоящей стихией Суворова.

IV

С самого Кучук-Кайнарджийского мира Турция лелеяла мысль о возобновлении войны с Россией. Неоднократно нарушая условия мирного трактата, Турция предъявила, наконец, русскому посланнику в Константинополе Я. И. Булгакову неприемлемый ультиматум, требовавший возвращения Крыма и признания недействительными всех договоров с Турцией, заключённых после 1774 года. Булгаков отказался принять ультиматум и был немедленно заключён под стражу. 13 августа 1787 года Турция объявила войну России.

Были сформированы две армии. Украинская, вверенная фельдмаршалу Румянцеву, должна была прикрывать наши границы и обеспечивать

неприкосновенность Польши. Роль, выпадавшая на долю этой армии, была скорее наблюдательная. Непосредственное ведение военных действий поручалось Екатеринославской армии (100 тысяч). Ею командовал фельдмаршал князь Потёмкин-Таврический, всеильный временщик, любимец Екатерины II. Екатеринославской армии предстояло вести войну совместно с союзной австрийской армией.

С началом второй русско-турецкой войны генерал-аншеф Суворов был назначен командующим корпусом, в задачу которого входила охрана Херсона, Днепровско-Бугского лимана и Черноморского побережья от устья Буга до Перекопа. Важнейшим пунктом обороны была крепость Кинбурн на песчаной косе, далеко выдававшейся в море.

На рассвете 1 октября 1787 года пятитысячный турецкий отряд начал высаживаться на Кинбурнской косе. Высадку прикрывали 600 орудий турецкого флота. Суворов не отвечал на выстрелы турок. «Пусть все вылезут», — говорил он.

К трём часам турки приблизились к крепости менее чем на версту и окопались. Тогда полторатысячный отряд русских бросился в атаку: Под убийственным фланговым огнём турецких судов русские войска дважды откатывались назад. В первый раз Суворов, заметив смятение в передовых рядах, бросился на неприятеля с криком «вперёд!» и тотчас оказался окружённым врагами, на волосок от смерти. «Братцы, генерал остался позади!» — крикнул кто-то, и

страх за любимого начальника восстановил порядок в войсках. Они снова ринулись вперёд, и grenадер Шлиссельбургского полка Степан Новиков, заколов одного турка, застрелив другого и бросившись на третьего, спас Суворова от грозившей ему опасности.

Во время второй атаки Суворов был ранен картечью в бок.

К шести часам вечера, преодолевая мучившую его боль, Суворов «обновил третий раз сражение». Наступила решающая минута. «Если бы не ударили на ад, — писал он потом, — ад бы нас здесь поглотил». Огонь крепостных пушек заставил умолкнуть турецкие суда. Турки, теснимые русскими, стали бросаться в море. Из пятитысячного десанта спаслось не более семисот человек.

«Под Кинбурном я отбил у турок охоту делать высадки», — сказал Суворов.

После кинбурнской победы Суворов считал необходимым немедленно атаковать крепость Очаков. Овладение Очаковым составляло основную цель Екатеринославской армии. Очаков не только закрывал выход в Чёрное море двум новым городам — Николаеву и Херсону, но и представлял серьёзную угрозу Крыму. «Очаков есть южный естественный Кронштадт», — таково было убеждение Екатерины II.

Главнокомандующий Екатеринославской армией Потёмкин, блестящий организатор и искусный военный администратор, был в то же время до боязливости осторожным полководцем. К то-

му же он был подавлен гибелью своего любимого создания—Севастопольского флота, истреблённого бурей 9 сентября 1787 года на пути в Варну.

Потёмкин медленно двигался к Очакову. Ему потребовалось пять недель, чтобы пройти расстояние около двухсот вёрст. Наконец, к исходу июня 1788 года Потёмкин приблизился к крепости.

Осада Очакова началась 1 июля. В середине месяца сюда был вызван из Кинбурна Суворов, и ему было поручено командование левым крылом. Потёмкин долго колебался, прежде чем перешёл к активным действиям. «Одним глядением крепости не возьмёшь», — язвил Суворов насчёт Потёмкина. Злые языки передали Потёмкину насмешливые отзывы о нём Суворова и заронили искру раздора между ними.

Наступила ненастная осень, а за ней жестокая стужа. Войска терпели нужду в пропитании. От морозов и недостатка в пище и амуниции угрожающе возросла смертность в войсках. Лишь в декабре, когда продолжать осаду не было уже никакой возможности, Потёмкин отдал приказ о штурме Очакова.

6 декабря, при морозе в 23 градуса, начался штурм. После ожесточённого боя, длившегося всего час с четвертью, Очаков пал. Суворов не был непосредственным участником штурма Очакова, так как был ранен ещё 27 ноября, во время произведённой турками вылазки из крепости. Но, как участник осады Очакова, он, наряду с другими, был представлен к награде.

Зиму 1789 года Суворов лечился в Кинбурне. Потёмкин не забыл своих размолвок с ним во время очаковского сидения и при распределении генералитета по действующим армиям на 1789 год не включил его в списки. «Матушка, я — прописной!» — взмолился Суворов к Екатерине и получил назначение в Украинскую армию. Непосредственным начальником Суворова был Репнин.

Десятитысячный суворовский корпус был расположен возле Бырлада. Это была центральная позиция, дававшая Суворову возможность оказывать, в случае необходимости, помощь и Репнину, стоявшему между Кишинёвом и Бендерами, и союзным австрийским войскам принца Кобургского, восемнадцатитысячный корпус которого был размещён на правом берегу реки Серет, у Аджуда.

В июле 1789 года около 30 тысяч турок направилось к Фокшанам, рассчитывая напасть на австрийцев и разбить их.

Принц Кобургский обратился к Суворову за помощью. Пройдя 50 вёрст в 28 часов, Суворов соединился с австрийскими войсками. 18 июля с утра принц Кобургский три раза посылал к Суворову просить его о личной встрече. Суворов три раза давал уклончивый ответ, а в одиннадцать часов вечера прислал ему диспозицию, в которой сообщал, что турок, по слухам, тысяч пятьдесят, и жалел, что не более — «лучше бы было покончить с ними разом». Выступление войск назначалось в ту же ночь.

Впоследствии Суворов пояснял, что, уклоняясь от свидания с Кобургом, он хотел избежать прений тактических. Посылкой ему диспозиции он предупредил нерешительность австрийцев.

В три часа утра союзники выступили к Фокшанам двумя колоннами. В левой шли русские, в правой — австрийцы.левой колонне был дан авангард из австрийских войск под командованием полковника Карачая. Это было сделано нарочно, чтобы возможно дольше скрыть от противника прибытие Суворова.

Бой за Фокшаны был ожесточённый и кровопролитный. Он продолжался десять часов. Турки были выбиты из Фокшан и отхлынули к Бухаресту и Браилову, преследуемые союзниками. Продовольственные склады, 12 орудий, 16 знамён достались русским и австрийцам.

Считая, что фокшанская победа вырвала инициативу из рук врага, Суворов настаивал на продолжении наступательных действий. «Отвечаю за успех, если меры будут наступательные; оборонительные же — визирь придёт. На что колоть тупым концом вместо острого», — писал Суворов Репнину.

Опасения эти были не напрасны. Турецкий визирь со стотысячной армией, собранной на нижнем Дунае, намеревался снова атаковать австрийский корпус принца Кобургского. Суворов был на своей прежней позиции у Бырлада, когда узнал об угрозе, нависшей над союзниками. 8 сентября он выступил в путь. Проливной

дождь и буря сильно затруднили переход. Всё же 10 сентября Суворов соединился с принцем Кобургским и предложил ему, невзирая на численное превосходство турок, атаковать противника в его укрепленном лагере на реке Рымнике, «не дав ему времени укрепиться ещё сильнее».

На рассвете следующего дня войска Суворова и принца Кобургского неожиданно представили перед позициями неприятеля. Разгорелся неравный бой, который закончился далеко за полдень. Под знамёнами Суворова и принца Кобургского сражалось 25 тысяч человек против врага, численно превосходившего его не менее чем вчетверо. Стремительное наступление не дало визирю времени сообразоваться с внезапно изменившимися обстоятельствами. К тому же, верный своему правилу «удивить — победить», Суворов применил против растерянного противника невиданные дотоле способы боя. Так, в самую ответственную минуту борьбы, при штурме главной турецкой позиции, он атаковал укрепления конницей. Перед подоспевшей вслед пехотой уже был открытый путь внутрь укрепления, где она и вступила в штыковой бой. «Ребята, — кричал Суворов солдатам, — смотрите не в глаза, а в грудь неприятелю; туда придётся всадить ваши штыки».

Рымникской победой Суворов завоевал у австрийцев почётное прозвище «генерал Вперёд».

На следующий день Суворов собрал свои войска и после благодарственного молебна обратился к ним с речью на тему о победе, славе,

чести и лаврах. Солдаты и офицеры стояли с зелёными ветками в руках и по окончании речи увенчали себя ими вместо лавровых венков.

За победу при Рымнике Суворову был пожалован титул графа Рымникского, и он был награждён орденом Георгия первой степени. Из всех наград, полученных Суворовым, эту награду он ценил «выше всего». «Чуть, право, от радости не умер», — писал он в одном письме.

В ходе второй русско-турецкой войны 1787—1791 годов рымникская победа имела первостепенное значение. Малым числом войск Суворову удалось осуществить разгром основных сил противника.

В следующем, 1790 году политическая обстановка изменилась не в пользу России. Австрия отпала от союза с ней. Назревала опасность европейской коалиции против России. Предотвратить её могло победоносное и скорейшее окончание войны с Турцией. Основная цель кампании 1790 года заключалась в овладении турецкими крепостями на нижнем Дунае.

Начиная с 18 октября, менее чем в один месяц, пали Килия, Сулина, Тульча и Исакча. Но грозный Измаил оставался «гнездом неприятелю».

Это была главная твердыня турок, крепость «без слабых мест», как отзывался о ней Суворов. Укрепляли её французские инженеры. В Измаиле был богатый запас продовольствия и вооружения. Многочисленным гарнизоном крепости командовал старый и опытный военачальник Магомет-Айдозли-паша.

Военные операции под Измаилом начались с 4 октября. К двадцатым числам ноября сюда скопилось до 30 тысяч русских войск. Сам Потёмкин находился в Яссах, и отсутствие на месте общего начальника над несколькими «равночинными» генералами способствовало нерешительности их действий. К тому же осаждавших было меньше, чем осаждённых, и они не были обеспечены боеприпасами, не имели в своём распоряжении осадной артиллерии.

Турки считали Измаил неприступным, да и русские стали мало-помалу склоняться к тому же убеждению. Ввиду этого решено было снять осаду и ограничиться блокадой. Войска начали уже отходить от стен крепости, когда Потёмкин решился на последнее средство. Он послал под Измаил Суворова «для принятия всех частей в свою команду». Отдавая себе отчёт в чрезвычайных трудностях, связанных с овладением Измаила, Потёмкин предоставил Суворову полную волю: «Продолжать предприятие на Измаил или оставить оный».

Имея, таким образом, «руки развязанные», Суворов твёрдо решил первое — продолжать военные операции. Он знал, какая тяжёлая ответственность ложится на него, но полагался на испытанный боевой дух русских войск, их умение и стойкость.

Взяв с собой из-под Галаца «своих храбрых фанагорийских гренадер», две сотни казаков, тысячу арнаутов и 150 охотников Апшеронского полка, Суворов 30 ноября двинулся в путь. Сам

он, дорожа временем, ехал с удвоенной быстротой и ранним утром 2 декабря появился под Измаилом в сопровождении лишь одного казака, взявшего в узле весь его походный багаж. Со всех батарей грянули приветственные залпы.

Прибытие Суворова сразу же подняло настроение в войсках. В тот же вечер уже читали приказ его, гласивший, что в крепости столько-то ворот, что первые охраняет такой-то паша и у него столько-то войска, вторые — такой-то паша, войска и пушек у него столько-то и т. д.; далее исчислялись подробности о самых укреплениях. Как только кончилось чтение, один фанаториец сказал солдату другого полка: «Что, брат, ваши-то стояли здесь долго, да ничего не узнали, а наш-то сокол—прилетел утром, а к вечеру знает всю подноготную!»

Сообщение о положении неприятеля было очень тонким военно-воспитательным приёмом, рассчитанным на то, чтобы сразу же вселить бодрость в сердца солдат. Под Измаилом Суворов самыми разнообразными средствами добивается высочайшего напряжения боевого и морального духа своих войск. Верный своему правилу никогда не оставлять войска в бездейственном, расслабляющем покое, Суворов и здесь продолжает обучать их. По ночам он заставляет их штурмовать нарочно насыпанный для этого вал, подобный измаильскому. Такие учения должны были непосредственно подготовить солдат к штурму неприступной твердыни.

Подчёркиванием трудности предстоящей воен-

ной операции Суворов разжигал боевое рвение своих войск. «Крепость сильна, гарнизон — целая армия, но ничто не устоит против русского оружия. Мы сильны и уверены в себе», — говорил Суворов. Он звал проявить и доказать эту уверенность на деле: «Валы Измаила велики, рвы глубоки, а всё-таки нам надо его взять».

Подготовка к штурму шла полным ходом. На противоположном Измаилу Сулинском острове и на левом берегу Дуная, напротив западного и восточного углов крепости, возводились батареи. Солдаты заготавливали штурмовые лестницы и фашины.

Утром 7 декабря с демонстративной целью батареи открыли огонь по крепости. Вслед за этим в Измаил был направлен парламентёр. Он вручил сераскиру (коменданту) ультиматум Потёмкина. Главнокомандующий во избежание кровопролития предлагал сдать крепость без сопротивления, обещая турецким войскам и жителям Измаила выгодные условия капитуляции. К ультиматуму была приложена краткая собственноручная записка Суворова: «Я с войском сюда прибыл. 24 часа на размышление для сдачи — и воля; первые мои выстрелы — уже неволя; штурм — смерть, — чего оставляю вам на рассмотрение».

На следующий день был получен длинный и запутанный ответ сераскира, явно желавшего затянуть дело и тем самым выиграть время. Но Суворов знал, какие настроения царят в Измаиле. Один из пашей, принимавших русского парламентёра, сказал: «Скорее небо упадёт на

землю и Дунай остановится в своём течении, чем сдастся Измаил». Суворов приказал разгласить эти слова своим войскам.

9 декабря Суворов собрал военный совет. Он обратился к присутствовавшим с горячей речью, напомнил о том, что дважды русские отходили от стен Измаила, указал на то, что новое отступление пагубно отразится на нравственном состоянии русских войск и заставит противника зазнаться, отметил не только военное, но и политическое значение взятия крепости ввиду назревающей европейской коалиции. Речь Суворова зажгла сердца. Когда приступили к голосованию, младший по чину бригадир М. И. Платов первый произнёс слово «штурм!» К нему примкнули и все остальные. Военный совет закрылся словами Суворова: «Победа, либо славная смерть!»

11 декабря, в 3 часа пополуночи, сигнальная ракета прорезала ночной мрак. В 5 с половиной часов под покровом темноты шесть русских колонн выступили вперёд. Пятую, казачью, колонну вёл Платов. Шестой колонной командовал генерал-майор М. И. Кутузов. Впереди колонн шли стрелки и сапёры с топорами и лопатами, за колоннами двигались резервы.

Многие участники штурма Измаила оспаривали между собой честь, кто из них первым взойдёт на вал. На самом деле это был секунд-майор Л. Я. Неклюдов. Идя во главе своих стрелков впереди второй колонны, он первый

бросился в ров и поднялся на вал, открыв бой. Его вынесли из сечи тяжело раненным.

Главный удар по врагу был поручен шестой колонне. Турки дважды яростно обрушивались на неё, замедляя её движение и оттесняя назад, но Кутузов вполне оправдал доверие Суворова, опрокинул противника, овладел двумя бастионами и через средний вал соединился с пятой колонной. Подвиг Кутузова под Измаилом заслужил высокую оценку Суворова: «Кутузов шёл на моём левом крыле, но был моей правой рукой»,—писал он в донесении о штурме Измаила.

К восьми часам утра русские завладели всей крепостной стеной. Бой кипел. Как только полковник Золотухин взломал двое ворот и впустил резерв внутрь крепости, сражение перенеслось на улицы города. Дрались, «как львы»,—за каждый переулок, за каждый дом. К часу дня город фактически был взят, но резня продолжалась до четырёх часов пополудни. Ожесточение обеих сторон понятно: для русских овладеть Измаилом было делом чести, для турок оборона крепости была вопросом жизни, ибо султан приказал казнить всякого, кто изменит своему воинскому долгу и ускользнёт из Измаила.

Из всех побед Суворова Измаил достался ему ценой наибольших потерь. Убито было 4 тысячи, ранено 6 тысяч. Потери противника были, однако, во много раз больше: убитых—26 тысяч, раненых 5 тысяч, пленных 9 тысяч, пушек 265, знамён 364, пороху 3 тысячи пудов, судов 42, коней 10 тысяч. Богатая добыча доста-

лась русским. Золото и серебро делили в Измаиле пригоршнями.

Штурм Измаила не имел ничего равного в истории. Это было не только взятие крепости, — это было истребление огромной вражеской армии. По мастерству взаимодействия пехоты, артиллерии и флота штурм Измаила является блестящим образцом суворовского военного искусства.

«Чем я могу наградить ваши заслуги, граф Александр Васильевич?» — спросил Потёмкин, когда вскоре после одержанной победы Суворов предстал перед ним в Яссах. «Ничем, князь, — ответил ему Суворов, — я не купец и не торговаться сюда приехал; кроме бога и государыни никто меня наградить не может».

Этих слов Потёмкин не простил Суворову.

Вместо ожидавшегося им получения фельдмаршальского жезла Суворов был пожалован в подполковники Преображенского полка. Это была награда почётная, если принять во внимание, что полковником Преображенского полка была сама императрица, но в то же время и оскорбительная, если вспомнить, что это звание присваивалось часто и не за боевые заслуги. Суворов понял, что ему поднесли позолочёную пилюлю. «Чувствую, что я за Измаил худо награждён, сколько ни философствую», — писал он.

V

Праздник в Таврическом дворце, данный Потёмкиным по случаю взятия Измаила, затмил своим великолепием все празднества, до-

толе бывавшие в Петербурге. Но главный виновник этого пышного торжества на нём не присутствовал. Потёмкин не хотел делить лавров ни с кем, а тем более с досадившим ему Суворовым. За несколько дней до таврического праздника Суворов был послан инспектировать русско-шведскую границу.

Менее чем через месяц он уже представил Екатерине II отчёт о своей поездке и проект укрепления русских северных рубежей на случай войны со Швецией. Руководить строительством укреплений было поручено Суворову.

Полтора года провёл Суворов в Финляндии. Со свойственным ему трудолюбием и энергией он исправил и усилил ранее существовавшие укрепления и возвёл новые. Так, выросла, например, крепость Кюмень, созданию которой Суворов уделял особенное внимание. За время своего пребывания в Финляндии он выказал недюжинные способности военного инженера. Недаром трактат Вобана «Об атаке и обороне крепостей» был одним из первых специально военных сочинений, изученных Суворовым в юности.

Из Финляндии Суворов был переведён в Херсон и назначен командующим войсками в Екатеринославской губернии, Крыму и вновь присоединённых к России землях. Ему было поручено заняться укреплением южной границы. Длительные работы такого рода всегда тяготили Суворова. «Я не инженер, а полевой солдат», — говорил он.

Суворов всегда дорожил «службой с прак-

тикой», а под практикой он разумел боевую деятельность. Ему было горько, что он оставался не у дел, в то время как ещё не кончилась русско-турецкая война и снова начались военные действия в Польше.

Война с польскими повстанцами разрасталась. Русские войска в Польше возглавлял князь Репнин. Ему предстояло открыть наступательные действия с северо-востока. Содействовать Репнину должен был Румянцев, оборонявший всю пограничную полосу от Минской губернии до турецкой границы. Румянцев по собственному почину вызвал в Польшу Суворова и поручил ему с демонстративной целью «сделать сильный отворот» противнику со стороны Бреста, т. е. отвлечь внимание противника от готовившихся движений главных сил. Предписание Румянцева было получено Суворовым в Немирове (Подольской губернии). 14 августа 1794 года Суворов с отрядом в 4 500 человек выступил в путь. Он шёл без днёвок, стремясь скорее соединиться с остальными войсками вверенной ему дивизии.

В конце августа Суворов начал наступление на Брест. 6 сентября он атаковал и разбил под Крупчицами главные силы корпуса Сераковского. В этом бою, между прочим, сказалась свойственная Суворову забота о людях. Заметив, что в ходе сражения перевес склоняется в сторону русских, Суворов послал за кашеварными повозками. Едва умолкли последние выстрелы, как сейчас же началась варка пищи. Ночью Суворов несколько раз выходил из палатки по-

смотреть, что делается в лагере, беседовал с караульными, останавливал их: «Тише, тише говорите: пусть спят витязи!»

На следующий день вечером Суворов остановился в 5—6 верстах от Бреста. В час ночи он направил свои войска в обход противника. Заметив это, неприятель вынужден был три раза менять позицию. Этим воспользовался Суворов для нанесения окончательного удара корпусу Сераковского. 8 сентября Брест был занят.

С этого времени фактическое руководство военными действиями переходит к Суворову.

Успешное занятие Бреста и победа Ферзена под Мациовицами побуждают Суворова приступить к выполнению задуманного им плана — «искать развязки в Варшаве». Движение на Варшаву он осуществляет совместно с Ферзеном. 15 октября в 20 верстах от предместья Варшавы Праги кавалерийские части Суворова настигли отряд из трёх родов оружия, двигавшийся на соединение с пражским гарнизоном. Сражение завязалось в густом лесу, где действие в конном строю было невысказано. Между тем пехота не могла во-время подоспеть на помощь, так как дорога была сильно испорчена. Тогда Суворов приказал атаковать противника спешенной кавалерией. Впоследствии, рассказывая одному из своих адъютантов об этом деле, Суворов заметил: «Если бы ты был при Кобылке, ты бы увидел то, чего и я никогда не видал».

19 октября закончилось сосредоточение всех сил, предназначавшихся для штурма Праги.

Суворов объединил под своим командованием армию до 30 тысяч человек. Два дня шла подготовка к штурму. Прага была укреплена с расчётом на то, что в случае осады она будет обороняться регулярными войсковыми частями численностью не менее 20 тысяч человек и таким же количеством вооружённых граждан Варшавы. Штурм Праги начался в ночь на 24 октября. Сопротивление противника было упорное, отчаянное, но плохо организованное. Большое значение в ходе штурма имело то обстоятельство, что Фанагорийскому полку удалось захватить и уничтожить мост через Вислу, соединяющий Прагу с Варшавой. Тем самым гарнизону предместья было отрезано отступление и предрешена капитуляция Варшавы.

Ожесточённый бой на улицах Праги был подобен измаильскому. В данном случае Суворов следовал своему правилу: «Одно кровопролитное сражение исключает многие другие, которые в целом повели бы к большим потерям».

25 октября к Суворову прибыли варшавские депутаты для переговоров о капитуляции. Завидев их, Суворов бросил на землю саблю и пошёл им навстречу, крича по-польски: «Мир! мир!» Военные действия были повсеместно прекращены. 29 октября Суворов торжественно вступил в Варшаву.

В польскую кампанию 1794 года Суворов показал себя не только как полководец, всеми силами стремящийся к достижению основной цели войны — быстрой победе, но и как вдумчивый и

дальновидный политик, подготавливающий основы для прочного мира. Ему удалось очень скоро завладеть симпатиями и доверием поляков. Он изумил варшавских депутатов крайне умеренными условиями капитуляции, предъявленными им. Он объявил амнистию всем польским войскам, сложившим оружие. Он освободил, в виде «подарка польскому королю», 500 пленных солдат и офицеров. Наконец, он не потребовал с Польши никакой контрибуции. Всё это так не походило на жестокие притеснения, чинимые австрийцами и пруссаками в отошедших к ним польских землях!.. Но политика, проводившаяся Суворовым в Варшаве, шла вразрез с намерениями петербургского двора по отношению к побеждённой Польше, и Суворов, хотя и получил за штурм Праги фельдмаршальский жезл, очень скоро почувствовал «жалкую сухость в своём апофеозе». Постепенно он был отстранён от военно-административной деятельности в Польше, а через год отозван в Петербург.

«Плох тот солдат, который не хочет быть фельдмаршалом» — этот афоризм Петра I с юных лет был усвоен Суворовым. Он всегда хотел быть фельдмаршалом. И он по-детски радовался полученной награде. Расставив стулья, Суворов по очереди перепрыгивал через них со словами: «Репнина обошёл! — Салтыкова обошёл! — Прозоровского обошёл!» Это были генерал-аншефы старше его по службе.

Звание фельдмаршала было в глазах Суворова не лишней графой в формулярной списке, не но-

вой ступенью на лестнице служебной карьеры, а как бы венцом всей его предыдущей жизни. Сознывая, что с исполнением давней мечты на его плечи ложится высокая ответственность, Суворов стремится обобщить свой многолетний жизненно-боевой опыт и передать его русской армии. Не случайно, что именно к эпохе польской кампании и ближайших за ней годов относится наибольшее количество различных военно-воспитательных наставлений Суворова.

Сразу же по прибытии Суворова в Польшу войскам, поступившим под его команду, был роздан краткий суворовский «катехизис», содержащий ряд основных правил поведения солдата в походе и в бою. «Этот катехизис велено вседневно читать солдатам, чтоб они помнили; а штаб- и обер-офицерам, унтер-офицерам и даже капралам приказано было знать наизусть», — вспоминает один из участников кампании 1794 года. Тогда же высшему командному составу была разослана подробная инструкция для строевой подготовки войск к предстоящим боям. В этом «катехизисе» и в этой инструкции нетрудно видеть первоначальный набросок знаменитой суворовской «Науки побеждать».

Глубокое военно-воспитательное содержание заключалось также в двух письмах-поучениях, написанных Суворовым в бытность его в Варшаве. Одно из них было адресовано малолетнему крестнику Суворова А. Карачаю, сыну участника Рымникской битвы, другое было обращено к молодому офицеру П. Скрипицыну, служив-

шему под начальством Суворова. Оба письма взаимно дополняют друг друга, так как посвящены одной теме—достоинствам образцового офицера. Письма эти, повидимому, получили довольно широкое распространение в офицерской среде.

Наконец, к 1796 году принято относить окончательное завершение так называемой «Науки побеждать» — небольшого литературного произведения, написанного Суворовым или записанного с его слов. Назначенный в этом году командующим русской юго-западной армией, фельдмаршал расположил свою штаб-квартиру в Тульчине. Здесь-то, в Тульчинском лагере, и предался Суворов своему любимому занятию — боевой подготовке войск. Страна в это время отдыхала от войны. Далёкий гул боя не тревожил покоя Суворова, а отдыха в обычном понимании этого слова Суворов не знал; для него покой заключался в том, чтобы и в мирное время ощущать себя на войне. Давняя работа Суворова по обучению Суздальского полка представлялась как бы прологом к его военно-педагогической деятельности в Тульчине. Но тогда его боевой опыт ограничивался впечатлениями Семилетней войны, а теперь за его спиной были десятки блистательных побед — и среди них Кинбурн, Рымник, Измаил, Прага.

«Наука побеждать» по форме не является ни инструкцией, ни уставом, хотя по существу она была именно таким суворовским боевым уставом. Точнее всего определить её можно словами: солдатская и офицерская памятка. Состоит она

из двух частей. Первая часть — «Развод» (или «Вахт-парад») предназначалась для офицеров и заключала указания по проведению манёвров. Указания эти дают возможность довольно ясно восстановить картину и ход суворовских строевых занятий, в которых всё было рассчитано на то, чтобы познакомить солдата со стихией подлинного боя. Вторая часть — «Словесное поучение солдатам о знании для них необходимом», — как явствует из самого заглавия, была обращена к рядовым. Правда, это обращение не вполне выдержано, и попутно Суворов касается «знаний», необходимых и для командиров.

В своём «Словесном поучении» Суворов выступает как своеобразный и тонкий военный педагог.

Он знал, что солдатская масса в подавляющем большинстве своём не разумела грамоты и что всякие неписанные наставления гораздо легче дойдут до её сознания, чем написанные инструкции, которые в лучшем случае будут затверживаться со слов унтер-офицера или товарища-грамотея. Вот почему своё поучение он облёк в словесную форму, сжатую и образную, уснащённую народными пословицами и поговорками. Когда кончался развод, солдаты обступали Суворова, и он вёл с ними «разговор их языком». Затаив дыхание, слушали солдаты яркую эмоциональную речь любимого начальника. Суворов не смущался тем, что его слабый голос не был, казалось, рассчитан на такую многолюдную аудиторию, не боялся, что шум ветра заглушит его слова. Он

знал: передовые ряды его услышат, запомнят, и завтра его речь из уст в уста облетит всю армию.

Суворов не называл свою памятку «Наукой побеждать». Это заглавие придумали его почитатели, но оно как нельзя лучше охватывает сущность военного искусства Суворова. Для нас суворовская наука побеждать воплощена не только в его знаменитой памятке, но во всём его многолетнем военно-воспитательном и боевом опыте, во всех его письменных и словесных наставлениях, во всех его крылатых афоризмах.

Обращаясь к солдатам и офицерам, Суворов знакомил их с основами своего военного искусства, в ясных и образных выражениях излагая сущность глазомера, быстроты и натиска. Добиваясь, чтобы «каждый воин понимал свой манёвр», Суворов неустанно напоминает ему о том, что «воюют не числом, а умением», что только упорная боевая выучка вооружает солдата тем знанием, которое даёт ему на поле боя необходимую уверенность в себе. Суворов приучает своих солдат не бояться численного превосходства противника, внушает им, что перед силой русского натиска «никакое войско в свете устоять не может». Он развивает в своих подчинённых чувство товарищества, долг взаимной выручки в бою: «Нога ногу подкрепляет, рука руку усиляет», «Сам погибай, а товарища выручай». Суворов призывал непрестанно изучать своего противника, разведывать, чем он силен и чем слаб, учил перенимать у него приёмы боя и бить противника его же средствами. Предвидя воз-

возможность столкновения с Францией, Суворов предупреждает в своём «Словесном поучении»: «Есть безбожные, ветренные, сумасбродные французишки: они воюют на немцев и других колоннами. Если бы нам случилось против их, то надобно нам их бить колоннами же», т. е. воспользоваться их же боевым построением.

Проникнутый сознанием, что основную ценность армии составляет солдат-человек, Суворов внушает это сознание и своим подчинённым. «Солдат дорог!»

Обязанность офицера — беречь людей, обязанность рядового — беречь своё здоровье, закалять свои физические силы, которые будут нужны ему и в походе и в бою. «Кто не бережёт людей, — предостерегает Суворов, — офицеру арест, унтер-офицеру и ефрейтору палочки, да и самому палочки, кто себя не бережёт». Известны многочисленные приказы Суворова «о сохранении здоровья» в войсках, его разнообразные мероприятия по упорядочению санитарного состояния армии.

Особенную заботу Суворова составляло всегда нравственное воспитание солдата. «Солдату надлежит быть здорову, храбру, твердо, решиму, правдиву, благочестиву». Не одним оружием, но и своим моральным превосходством должен русский солдат поражать противника. В стремлении вызвать наружу природную смелку русского человека Суворов объявляет жестокую войну «немогузнайству». Он не переносил безответственного «не могу знать» и на-

рочно задавал своим подчинённым головоломные вопросы вроде: «сколько рыб в реке» или «сколько вёрст до той звезды». Ответ, как хочешь, но ответ положительно. И Суворов радовался, когда узнавал от солдата, что «три суворовских перехода» отделяют его от этой звезды. Всякие проявления умственной лени и косности клеймил Суворов ненавистным прозвищем «немогузнайства», грозя пальцем, повторял: «От немогузнайки много, много беды!»

Перед своими подчинёнными Суворов поставил высокий идеал героя. Он должен быть «смел без запальчивости, скор без опрометчивости, деятелен без легкомыслия, подчинён без унижённости, начальник без самонадеянности, победитель без тщеславия, честолюбив без кичливости, благороден без гордости, непринуждён без лукавства, твёрд без упрямства, скром без притворства...»

Зная, что наставление только тогда может быть действенным, когда оно подкреплено личным примером, Суворов сам всегда и во всём служил примером для своих солдат. Близость Суворова с солдатской массой не была напускной. Суворов жил одной жизнью с нею. Солдаты в минуту опасности привыкли видеть его около себя. Они верили, что ему «солдат дороже себя». Они помнили, как он в Польше ходил в лёгком холщёвом кителе до тех пор, пока солдатам не подвезли зимнего обмундирования. Они знали о его постоянной заботе о них: «Он не спит, когда мы спим».

Ореол непобедимости, окружавший Суворова-полководца, и неограниченное доверие, которое питали к нему войска, придавали неотразимую силу суворовским наставлениям.

Военно-воспитательные принципы Суворова широко распространялись в русской армии.

Со смертью Екатерины II всё резко изменилось. На престол вступил её сын Павел. Ненавидевший свою мать и не принимавший при её жизни участия в управлении страной, Павел I враждебно относился ко всем, кто выдвинулся в её царствование. Суворов был одним из таких. Поклонник Фридриха II, Павел сейчас же приступил к перелицовке русской армии на прусский лад. Поваяло давно минувшими временами. Завелись снова прусские порядки, прусские уставы, прусское неудобное обмундирование. Вытравливались все военные преобразования Румянцева, Потёмкина и Суворова. Победоносная русская армия, овевшая неуязвимой славой свои знамена в боях под Кагулом, Очаковым и Измаилом, переучивалась для парадов.

Питая затаённую неприязнь к Суворову, Павел I не считал, однако, возможным сразу же отстранить его от армии. Слишком громки были суворовские победы, слишком глубока была любовь к нему в войсках. Павел попытался на первых порах приручить Суворова, приспособить его, сделать из него исполнителя своих вздорных предначертаний. «Приводи *своих* в мой порядок»,—писал он Суворову. Но Суворов был

«не немец, а природный русак». Он знал, что «русские прусских всегда бивали», и спрашивал с недоумением: «Что ж тут перенять?» Наконец, он был Суворовым. Он не захотел и не смог подчиниться прихоти царя. Нововведения Павла оскорбляли в нём русского человека и русского полководца.

Столкновение Суворова с Павлом I — драматическая страница не только в суворовской биографии, но и в русской истории: это не поединок гениальной личности со злой волей самодура, а столкновение русской национальной военной школы с чуждыми и враждебными ей течениями. Это было неопровержимым доказательством того, что суворовская наука побеждать могла быть понятна только тем, кто, подобно Суворову, был внутренне связан с родным народом, с вековыми традициями его истории и культуры. Суворов видел, как в руках павловских плацпарадных рутинёров изничтожается то, за что он боролся всю жизнь. Основные краеугольные положения его военной системы, испытанные огнём сражений и освящённые кровью русских воинов, подменяются сухими схемами прусского военного устава, переведённого на «немо-российский язык». Солдат-человек, которого он растил с такой любовью, преобразуется в солдата-куклу; суровая дисциплина — «мать победы» — вырождается в палочное «тиранство»; «понимание манёвра» вытесняется из сознания солдата и подменяется слепым и безответственным повиновением. И всё это де-

лалось тогда, когда внутреннее превосходство суворовского военного искусства перед внешними формами чужой военной системы было не только очевидно для самого Суворова, но подтверждалось свидетельствами иностранцев. Суворов это знал. Он не мог примириться с таким насилием над самой душой русской армии. Он не мог противодействовать этому злу, а потому предпочёл отставку и изгнание.

6 февраля 1797 года на разводе был оглашён царский приказ: «Фельдмаршал граф Суворов, отнесясь к его императорскому величеству, что так как войны нет, и ему делать нечего, за подобный отзыв отставляется от службы».

В конце марта, сдав армию, фельдмаршал выехал в своё гродненское имение Кобрин. Там настиг Суворова второй приказ, предписывающий ему переселиться в его новгородскую деревню Кончанское, под надзор местного боровичского городничего. Последнему разрешалось «в случае надобности требовать помощи от всякого начальства». Этого показалось мало, и в Кончанское был прислан некий коллежский советник Николев шпионить за Суворовым.

Потянулись дни томительного одиночества в деревенской глуши. От нечего делать и для мочiona Суворов сражался в бабки с крестьянскими ребятами. Вся переписка фельдмаршала: вскрывалась, но всё же письма и газеты для него отрадны: для него это связь с внешним миром. Он зорко следит по газетам за военными успехами молодого Наполеона Бонапарта. «Да-

леко шагает мальчик! Пора его унять!» Военные планы роятся и зреют в голове опального фельдмаршала.

VI

Суворов уединённо коротал в Кончанском дни своего изгнания, когда Россия вступила вместе с Австрией, Англией, Турцией и Неаполем в коалицию против Франции. Завоевания австро-итальянских владений французскими войсками внушали тревогу монархическим правительствам Европы. Австрия своими силами не могла оказать противодействия Франции. Англия вызвалась предоставить коалиции помощь деньгами; Австрия и Россия обязывались выставить 320-тысячную армию, одна часть которой должна была двинуться к границам Франции, а другая—приступить к очищению Италии. Первоначально главнокомандующим союзными войсками был намечен австрийский эрцгерцог Иосиф, но под давлением Англии Австрия сама обратилась к Павлу I с просьбой о назначении на этот пост «знаменитого мужеством и подвигами» полководца Суворова.

6 февраля 1799 года флигель-адъютант Павла I Толбухин прибыл в Кончанское с царским рескриптом. Павел вызывал Суворова в Петербург. «Час — собираться, другой — отправляться», — распорядился Суворов и на следующий день выехал в столицу.

Царь принял Суворова с подчёркнутой предупредительностью. «Веди войну по-своему, как

умеешь», — сказал он при этом, не решаясь предлагать великому полководцу своих стратегических соображений. Однако он тут же приставил к нему особого наблюдателя, генерала Германа, с поручением «умерять порывы и отвагу воина, поседевшего под лаврами».

Ещё более тяжёлая опека ждала Суворова впереди.

Сразу же по приезде Суворова в Вену австрийский гофкригсрат (придворный военный совет) стал навязывать ему свои планы. «Я начну кампанию переходом через Адду, а кончу её, где богу будет угодно», — сказал Суворов, зачёркивая предложенный ему австрийцами план, в котором военные действия были намечены лишь до реки Адды. Тем не менее от него погребовали, чтобы все свои предположения и намерения он сообщал в Вену для предварительного сведения и одобрения. Хотя Суворов и был произведён в австрийские фельдмаршалы, гофкригсрат постарался ограничить и стеснить его полномочия. Вся хозяйственная часть армии была выделена и поручена австрийскому фельдмаршалу Меласу.

3 апреля Суворов приехал в Верону. Итальянцы встретили его восторженно. Всю ночь улицы города были запружены народом; горели площадки и разноцветные ракеты бороздили небо. Главная квартира армии при открытии кампании была расположена в городе Валеджио. Сюда по-эшелонно прибывали русские войска, отсюда же началось и наступление.

Союзные войска были разделены на три колонны: две австрийские и одну русскую. Во главе всех трёх колонн шли донские казаки. Смешанным авангардом командовал австрийский генерал Край, незадолго перед тем одержавший верх над французами в сражении при Маньяно. Передовой отряд авангарда состоял исключительно из русских войск под командованием П. И. Багратиона. Подобно тому как при штурме Измаила «правой рукой» Суворова был Кутузов, в течение всей кампании 1799 года его «правой рукой» был Багратион — «мой Багратион», по словам самого Суворова.

Первым пунктом, занятым на пути наступления, был укрепленный город Брешиа. Французский гарнизон города сдался при виде начатых приготовлений к штурму (10 апреля).

Кровопролитный бой на берегах реки Адды завершился победой соединенной армии. Суворов дорожил этой победой в особенности потому, что она была одержана над способным и опытным генералом Моро, только что назначенным главнокомандующим французскими войсками. Суворов всегда говорил, что «лёгкие победы не льстят сердца русского». Теперь, готовясь к сражению, он выразился так: «Мало славы было бы разбить шарлатана; лавры, которые похитим у Моро, будут лучше цвести и зеленеть».

Победа на реке Адде, при Кассано, открыла Суворову путь к столице Ломбардии Милану. За две недели победоносного наступления вся Ломбардия была освобождена Суворовым от фран-

цузов. «Кажется, — пишет участник итальянского похода, — дело идёт быстро и хорошо, то есть не по-немецки, а по-русски или, лучше сказать, по-суворовски». Окрылённое успехами союзников, само население взялось за оружие и открыло народную войну.

Оттеснённый от реки Адды, Моро занял новую позицию на реке Танаро, откуда после неудачной попытки перейти в наступление отошёл к Генуе. Суворов воспользовался этим временем и вступил в столицу Пьемонта Турин (15 мая).

Сведения о готовящемся соединении армии Моро с армией Макдональда у крепости Тортоны, на правом берегу реки По, побуждают Суворова предупредить замысел противника. Выступив из Турина, Суворов спешит навстречу Макдональду. 3 июня им отдан приказ по войскам союзной армии. В этом приказе победа рисуется как нечто решённое, несомненное: «В атаке не задерживать. Когда неприятель сколон, срублен, то тотчас его преследовать и не давать ему времени ни сбираться, ни строиться. Если неприятель будет сдаваться, то его щадить, только приказывать бросать оружие. При атаке кричать, чтобы неприятель сдавался... Ничего не щадить; не взирать на труды; преследовать неприятеля денно и ночью до тех пор, пока истреблён не будет».

Форсированный марш, совершённый соединёнными войсками, был беспримерным даже в суворовской практике. За сутки (с вечера 4 до вечера 5 июня) было пройдено 45 вёрст. Известие о том, что Макдональд уже атаковал шеститысячный

отряд австрийского генерала Отта и отбросил его за реку Тидону, заставило Суворова ещё до зари поднять войска и продолжать путь. 6 июня, к 10 часам утра, союзники подошли к Страделле, но вместо ожидаемого здесь отдыха пришлось без остановки двигаться вперёд, так как Макдональд вновь атаковал Отта на Тидоне. Сам Суворов всё время был при войсках, подбадривая отстающих, возбуждая в них чувство воинской и национальной чести словами: «Вы — чудо-богатыри! Вы — витязи! Вы — русские!» Кроме того, желая рассеять внимание солдат, изнемогавших от физической усталости, Суворов приказал им выучить двенадцать французских слов. Когда замечался упадок энергии в рядах, командиры должны были читать вслух эти слова, записанные на бумажке русскими буквами, а солдаты повторять их вслед за офицерами.

Суворов прибыл к Тидоне в тот самый момент, когда Макдональд угрожал обходом отряду Отта. Донские казаки ударили на французов неожиданно-негаданно и завязали ожесточённый бой. Подоспевавшие за ними войска русского авангарда тотчас же переходили в атаку, несмотря на то что за 36 часов прошли 80 вёрст. Багратион, видя крайнее утомление своих войск, просил повременить атакой, пока не подойдут остальные, а то в ротах нет и по сорока человек. «У Макдональда нет и по двадцати», — ободряюще шепнул ему Суворов и, дорожа временем, приказал с развёрнутыми знамёнами, музыкой и барабанным боем атаковать противника. Оправда-

лись — и не в первый раз — слова Суворова: «Неприятель нас не чаёт, считает за сто вёрст, а когда издалека, то за двести, триста и больше, — вдруг мы на него, как снег на голову. Закружится у него голова...» Так и случилось. Макдональд рассчитывал без труда разбить слабый отряд Отта, а вместо того оказался лицом к лицу с самим Суворовым. Из армии в 38 500 человек, которой командовал Макдональд, на Тидоне находилось только 22 тысячи. Две остальные дивизии были ещё в пути. Желая сосредоточить все свои силы, Макдональд отступил за семь вёрст на реку Треббью, предполагая 8 июня атаковать Суворова. Накануне этого дня главные силы русских и австрийских войск (22 тысячи) обрушились на Макдональда. В диспозиции войскам указывался поход до реки Нуры, иными словами, за 13 вёрст дальше расположения противника. Диспозиция кончалась словами: «Не употреблять команды *стой*: это не на ученье, а в сраженьи: *атака, руби, коли, ура*, барабаны, музыка». Важнейшие участки предстоящего боя поручались русским войскам.

Сражение на реке Треббии разгорелось в два часа дня. К вечеру все войска Макдональда собрались на поле боя. Несмотря на это, при наступлении ночи союзникам удалось отбросить французов на правый берег реки.

На утро битва возобновилась с удвоенным ожесточением. Несколько раз перевес склонялся на сторону противника. Во время боя произошёл ряд характерных эпизодов, показывающих, что

Суворов и в боевой обстановке оставался очень тонким военным воспитателем-психологом.

Под натиском превосходящих сил французов войска генерала от инфантерии Розенберга еле держались. Розенберг поскакал к Суворову, полагая благоразумным начать отступление.

Суворов в это время отдыхал, лёжа у большого камня.

«Можете ли вы сдвинуть этот камень?—спросил Суворов у Розенберга. — Не можете? Ну так и русские не могут отступить».

Тотчас вслед за Розенбергом подъехал Багратион. Он доложил Суворову, что неприятель ещё силен, а что его, Багратиона, войска утомлены до крайности. Встревоженный Суворов сам поехал к войскам.

Навстречу ему двигался один из батальонов, отступавший в полном расстройстве. Поровнявшись с ним, Суворов круто повернул коня и понёсся впереди бегущих с криком: «Заманивай! заманивай шибче!» Затем властной командой «стой!» остановил батальон и сам повёл его обратно в атаку. Суворов не допускал, чтобы чувство страха поколебало нравственное равновесие в рядах его войск и заронило в солдате недоверие к своим силам. Криком «заманивай!» он заставил нравственно дрогнувших солдат поверить в то, что они не бежали, а осуществляли некий искусный манёвр.

Такое же воодушевляющее действие произвело и его появление среди падавших от усталости войск Багратиона. Старый суворовский ветеран

рассказывал: «...вдруг всё преобразилось; всё ожило; всё пришло в движение; ружья начали стрелять; затрещал беглый огонь; убили барабаны: откуда взялась сила у людей».

Самого Суворова не оставляла уверенность в победе. Когда Мелас запросил его, куда прикажет он отступать, Суворов отвечал: «В Пьяченцу». Это значило идти вперёд, ибо путь в Пьяченцу был преграждён французскими войсками, атаковавшими Меласа.

Под вечер бой затих. Суворов поздравлял своих подчинённых с победой, намереваясь на следующий день продолжать сражение. Но, пользуясь наступившей ночью, Макдональд отступил. Русские с утра бросились его преследовать.

Потери Макдональда достигали 16—18 тысяч убитыми и пленными. Шесть пушек, семь знамён и значительная часть обоза попали в руки союзников. Остатки разбитой армии Макдональда укрылись в Генуэзскую Ривьеру, где и соединились с войсками Моро.

Трёхдневный бой на берегах Тидоны и Треббии завершился полной победой союзников. Суворов, любивший исторические воспоминания, гордился тем, что победа эта была одержана им на тех самых берегах, где в древности карфагенский полководец Ганнибал разбил римлян.

Неудачи французских войск в северной Италии заставили республиканское правительство назначить на пост главнокомандующего молодого, но многообещающего полководца генерала Жубера. «Юный Жубер пришёл учиться, дадим ему

урок», — сказал Суворов, узнав о появлении 35-тысячной армии Жубера на горных высотах у города Нови, напротив расположения русских войск. Атаковать русских Жубер, однако, не решился, опасаясь их численного превосходства. Тогда Суворов, невзирая на исключительно выгодную для противника позицию, приказал своим войскам начать атаку.

«Урок» оказался тяжёлым для Жубера. 4 августа, до рассвета, Суворов начал обстрел высот. Жубер выехал на передовую линию и был сражён пулей. Командование войсками снова принял на себя Моро. После многократно отбиваемых и возобновляемых с новой силой атак объединённых войск в середине дня удалось подняться на высоты и проникнуть в город. Обходный манёвр Меласа, появившегося в тылу противника, был решающим моментом боя. К вечеру французы обратились в бегство, понеся большие потери.

Сам Суворов всё время был в бою, то подбадривая солдат, изнемогавших от палящего зноя, то предводительствуя ими в атаках.

Через несколько дней после битвы при Нови пала крепость Тортон. Комендант крепости сдался со всем гарнизоном, не ожидая начала штурма.

Четыре месяца потребовались Суворову для того, чтобы очистить всю северную Италию от французов. Слава о нём гремела по всей Европе. Даже враги отдавали Суворову должное. Об одном форсированном марше его от Турина к Тидоне и Треббий Моро отозвался, как о «выс-

шей точке военного искусства». К многочисленным наградам, полученным Суворовым за итальянский поход, прибавился титул князя Итальянского.

Австрийский гофкригсрат, во всё время итальянской кампании 1799 года только ставивший палки в колёса Суворову, не был заинтересован в дальнейшем пребывании русских войск на территории северной Италии. В Вене был разработан план новых военных операций, согласно которому Суворов должен был двинуться в Швейцарию и, соединившись там с русским корпусом А. М. Римского-Корсакова, расположенным у Цюриха, вторгнуться во Францию через Франш-Конте. Русскому корпусу в Швейцарии предстояло бороться против сильной французской армии Массены. «Любимое дитя побед», — как называл его Наполеон, решительный и талантливый полководец Массена занимал в Швейцарии хотя и растянутую, но выгодную позицию и имел под своими знамёнами свыше 50 тысяч человек. Войска союзников численно уступали французским и были разбросаны на большом расстоянии друг от друга. Суворов не одобрял навязанного ему плана, считая, что в первую очередь нужно закрепить плоды достигнутых в Италии побед. Кроме того, он находил, что русская армия не подготовлена и недостаточно оснащена для войны в горной местности. Не дожидаясь, однако, прибытия Суворова в Швейцарию, австрийский эрцгерцог Карл вывел оттуда большую часть своих войск. Римский-Корсаков, принуждённый принять на себя оборону 200-вёрст-

ной линии, был брошен союзниками на произвол судьбы. «Массена не будет нас ожидать и устремится на Корсакова», — писал встревоженный Суворов, и опасения его оправдались.

Приходилось как можно скорее выручать Римского-Корсакова. 30 августа Суворов выступил из Тортоны и, пройдя 150 вёрст в 5 дней, подошёл к деревне Таверно, расположенной у подножия Швейцарских Альп. Пять дней простояли русские войска в Таверно, ожидая обещанного австрийцами продовольствия и 1 500 мулов для перевозки вьюков с тяжестями. В ожидании уходило драгоценное время. Лишь через несколько дней Мелас прислал 650 мулов. Этого было мало. Пришлось воспользоваться казачьими лошадьми, спешив для этой цели до полутора тысяч казаков. Суворов негодовал на австрийцев и писал австрийскому императору: «Решительные выгоды быстроты и стремительности нападения потеряны для предстоящих военных действий».

Вынужденная стоянка в Таверно тяжело переживалась и самими войсками. «Здесь-то открылась нам, — рассказывал впоследствии один из участников похода, — немецкая подлость во всей своей наготе, интриги гофкригсрата и самого австрийского двора, ибо союзники наши, заманивая нас в сию дикую и почти непроходимую страну, обещали с своей стороны, а при том имели и в обязанности, облегчить различным образом наше следование».

Австрийцы не только не облегчили переход суворовской армии через Швейцарские Альпы, но

были виновниками всех бед, выпавших на долю русских войск. Не имея точных данных о местных условиях, Суворов был вынужден сообразовываться со сведениями, которые доставлялись ему австрийцами. Ими был разработан маршрут, едва не превратившийся для русских в западню.

Из трёх путей, возможных для следования русской армии на соединение с корпусом Римского-Корсакова, Суворов выбрал кратчайший — путь через Сен-Готард. По сравнению с двумя другими путь этот имел два преимущества. Во-первых, он позволял Суворову выйти прямо во фланг и в тыл противника. Во-вторых, он был значительно труднее, чем пути на Сен-Бернард или на озеро Комо, а поэтому французы менее всего могли ожидать русских именно с этой стороны. Пунктом соединения Суворова с оставшимися в Швейцарии австрийскими войсками был намечен Швиц.

10 сентября 1799 года начался легендарный швейцарский поход Суворова. Этим беспрецедентным подвигом Суворов вписал новую славную страницу в героическую летопись подвигов русского солдата.

Две французские бригады под командованием генерала Лекурба занимали Сен-Готард. С целью обеспечить успех фронтальной атаки Сен-Готарда Суворов послал в обход позиции противника войска авангарда Багратиона и корпус Розенберга.

По прямой, но едва проходимой дороге двигался сам Суворов, ведя за собой 18 тысяч бое-

вых спутников. Подъём был труден. Дул резкий ветер и лил дождь. Несмотря на это, суворовские «чудо-богатыри», промокшие и продрогшие, шли своим привычным шагом. Шли три дня. Восемьдесят километров было уже позади. Перед глазами высилась вершина Сен-Готарда.

13 сентября Суворов приказал атаковать Сен-Готард. Задача казалась почти невыполнимой, но Суворов привык верить в своих «витязей». Французы с высоты своей неподступной позиции открыли огонь. Укрыться русским было негде. Приходилось медленно, упорно и самоотверженно двигаться вверх, всё время на глазах у неприятеля.

Оттеснённый с передовых линий, противник засел на вершине горы и оборонялся отчаянно. Дважды отбивали французы смелые атаки русских. Суворовцы несли тяжёлые потери: до 1 200 человек вышло из строя. Наконец, около 4 часов дня Суворов в третий раз повёл свои войска на приступ. Вдруг русские пули сверху посыпались на французов. Это отряд Багратиона, обошедший противника, ударил ему во фланг и своим неожиданным появлением на покрытых снегом высотах внёс смятение в рядах французов. Русские заняли вершину Сен-Готарда.

Отдых был краток, — это был даже не отдых, а передышка. В тот же вечер принялись спускаться вниз, в долину Рейсы. Перед деревней Госпенталь Лекурб вновь пытался остановить Суворова. В это самое время Розенбергу, вышедшему в тыл Лекурбу, удалось потеснить французов и занять деревню Урзерн. Узнав об этом,

Лекурб поспешно отступил, преследуемый русскими штыками.

На другое утро, соединившись с корпусом Розенберга, Суворов двинулся правым берегом Рейсы по направлению к переправе, слышшей у местных жителей под названием «Чортов мост».

В версте от деревни Урзерн гигантские отвесные скалы, подножие которых омывается бурным течением горной реки, преградили путь Суворову. Дорога упёрлась в искусственный пролом шагов в 80 длиной, так называемую «Урзернскую дыру». Ширина её была едва достаточна для прохода лошади с вьюками. Но как только передовые солдаты показали у противоположного выхода тоннеля, как на них обрушился огненный дождь картечи и пуль. Сразу по выходе из «дыры» дорога огибала гору и круто спускалась к Чортову мосту — каменной арке, перекинутой на левый берег Рейсы. Внизу на глубине 75 метров пенным водопадом клубилась и клочотала река. Отряд французов оборонял выход из Урзернской дыры. Два батальона французов оказались расположенными за мостом. Нужно было, преодолевая жестокий огонь противника, выбраться из Урзернской дыры, перейти через Чортов мост на противоположную сторону Рейсы, пройти вдоль скал левого берега к другому мосту и по нему снова вернуться на правый берег, чтобы продолжать намеченный маршрут.

Суворов направил в обход Урзернской дыры полковника Трубникова с отрядом в 300 человек и майора Тревогина с 200 егерей. Первому уда-

лось вскарабкаться на почти отвесные и голые скалы, кое-где только покрытые мохом, и зайти с фланга французскому отряду, оборонявшему выход из «дыры». Второй спустился к реке, перешёл её вброд, по грудь в воде, и, взобравшись на скалы левого берега, внезапно показался на горе Бетцберг, угрожая атаковать с тыла батальоны, преграждавшие путь через Чортов мост. Бросив оборону моста и частично разрушив его, французы спустились вниз, к самому берегу реки, откуда и продолжали обстреливать русских. С боем отвоёвывали себе суворовские «чудо-богатыри» каждый шаг. Разобрали попавшуюся на дороге горную сторожку, перекинули брёвна через разобранную французами часть моста и наскоро приготовили переправу.

Бой за Чортов мост закончился 14 сентября к пяти часам дня. Французы не устояли перед смелым натиском русских. Лекурб попытался ещё раз задержать наступление Суворова в Шахенской долине, при впадении речки Шахен в Рейсу. Соппротивление французов было сломлено, и русские вступили в Альтдорф. Здесь обнаружен был неприятельский склад с довольно скудным запасом провианта. Суворов приказал раздать солдатам по три пригоршни муки и понемногу сухарей. Изголодавшиеся путники были рады и этому, так как обоз суворовской армии отстал.

В Альтдорфе выяснилось, что отсюда дороги на Швиц нет вовсе. Сообщение со Швицем водой по Люцернскому озеру оказалось невозмож-

ным, ибо на озере находилась французская флотилия. Между тем нужно было во что бы то ни стало поскорее соединиться со своими. Массена, узнав о движении русской армии через Альпы, мог уничтожить корпус Римского-Корсакова. К тому же суворовские войска начинали испытывать острую нужду в продовольствии и снаряжении. Тогда Суворов принял решение: перевалить через хребет Росшток, отделяющий Шахенскую долину от Муттенской. Первый и единственный раз в истории должна была целая армия пройти по непролазной охотничьей тропе.

Рано утром 16 сентября суворовцы начали взбираться на гору. «Казалось, она была выше всех гор, нас окружавших», — вспоминает суворовский ратник, участник героического перехода через Росшток. По крутой и узкой тропе поднимались по одному, друг за другом. Ноги скользили. Холодный туман пробирал до костей. Промокшая одежда сковывала движения. Приходилось рассчитывать каждый шаг, ибо малейшая неосторожность стоила жизни. Тихо-тихо карабкались вверх, проклиная «мучительницу-гору». Лошади и мулы, навьюченные орудиями и зарядными ящиками, оступались и тяжело падали вниз, разбиваясь о камни и увлекая за собой людей. Спуск с горы после дождя, лившего весь день, был ещё труднее и опаснее, чем подъем.

Около 15 километров отделяет Альтдорф от Муттена. Целых двенадцать часов потребовалось авангарду Багратиона, чтобы преодолеть это расстояние! «В то время, как голова авангарда уже

давно достигла Муттена, хвост армии ещё не трогался с места, — рассказывает историк этого беспримерного похода. — Всё протяжении тропинки от Альтдорфа до Муттена представляло неразрывную нить людей и выюков, поодиночке пробиравшихся по этим страшным крутизнам». Два дня понадобилось суворовской армии, чтобы перевалить через Росшток. Вьючный обоз спустился к Муттену только 19 сентября.

Сам Суворов переправился через Росшток вместе с передовыми частями. Роковая весть ожидала его в Муттене. Корпус Римского-Корсакова атакован Массеной и разбит при Цюрихе. Отряд Готце разбит на Линте. Отряд Елачича отступил на Рейн. Массена стягивает свои силы к Швицу, угрожая Суворову окружением.

Итти на Швиц значило обречь на верную гибель 15 тысяч измождённых, раздетых и почти безоружных людей, сильных лишь стойкостью духа, но не могущих противоборствовать свежей 50-тысячной армии Массены.

18 сентября, в келье женского францисканского монастыря, где поместилась главная квартира русской армии, Суворов созвал военный совет. На совет были приглашены все генералы и выдающиеся по своим военным дарованиям и опыту полковники. Суворов встретил их в полной фельдмаршальской форме, при всех орденах. Он был взволнован. Багратион ещё не видел его таким: «Это не был уже тот Александр Васильевич, который между рядами воинов, в сражении, вёл их в бой с высоким самоотвержением, с бы-

стротою сокола, или так, запросто, во время похода, весёлыми разговорами заставлял всякого любить его душевно: нет! Это был уже величайший человек, гений: он преобразился!» Маленький худой старичок, он казался выше своего роста, величественнее. В горячей образной речи изложил он собравшимся весь трагизм положения, в каком оказалась русская армия. Все невзгоды, труды, лишения, подвиги напрасны. Из-за пяти дней вынужденной остановки в Таверно разрушен весь операционный план. Русские стоят перед лицом предательства, — «не измены, а явного предательства, чистого, без глупости, разумного, рассчитанного предательства». И предателями являются союзники-австрийцы. Помощи ждать неоткуда. Остаётся положиться на величайшую храбрость и на высочайшее самоотвержение русских войск. «Это одно остаётся нам, — заключил свою речь Суворов. — Нам предстоят труды величайшие, небывалые в мире: мы на краю пропасти, но мы — русские!..»

И, как некогда под Измаилом, в ответ на огненное слово полководца прозвучала торжественная клятва: победить или умереть, но умереть со славой.

Военный совет принял решение двигаться на северо-восток, на Гларис. Розенбергу поручено было прикрывать отступление, сдерживая мощный натиск Массены. Багратиону предстояла не менее трудная задача — с боями прокладывать русской армии путь на Гларис, занятый дивизией Молитора. И арьергард и авангард с честью

выполнили свою задачу. Арьергард не только принял на себя весь удар обходного движения Массены, но в течение двух дней успешно отбивал в Муттенской долине упорные атаки противника и, наконец, отбросил его к Швицу, захватив трофей. Авангард выбил французов из Глариса, куда 20 сентября вступил Суворов с остальной частью армии. Надежда Суворова встретить в Гларисе австрийский отряд Линкена вновь не оправдалась: он уже отошёл на Иланц.

Выступив в ночь на 24 сентября из Глариса, русская армия повернула на юг. Третий горный хребет поднимался перед глазами русских — страшный обледенелый Рингенкопф. Подъём на него был ещё тяжелее, чем подъём на Росшток. Лошади гибли. Не было никакой возможности тащить на себе выюки и орудия; приходилось бросать их в пропасти. Снежная вьюга заметала путь, который с таким трудом прокладывали себе русские солдаты. Суворов ехал на лошади, в своём старом плаще, мучимый лихорадкой, но бодрый, как всегда. Он шутил с солдатами; старческим, надтреснутым голосом затягивал песню, чтобы дать внутреннюю разрядку своим любимым «братцам». Два сильных казака осторожно и заботливо вели под уздцы его лошадь.

На этот раз арьергардом командовал Багратион. Противник преследовал русских по пятам. У Багратиона не было ни артиллерии, ни патронов. Отчаянными штыковыми контратаками осаживал он наседавшего на него противника и, наконец, заставил его прекратить преследование.

В октябрьскую непогоду и гололедицу спуск с Рингенкопфа к деревне Паникс был чрезвычайно опасен. Но зато впереди был отдых, огонь бивачных костров, горячая пища, а в сердцах — гордое сознание, что «русак — не трусак», что для него нет преград, что он пройдёт всюду.

Так закончился швейцарский поход Суворова, явившийся венцом суворовской славы. Имя его становится почти легендарным. Его прославляют не только как «победоносца» российской армии, но и как победителя природы. Павел I присуждает ему «высшую степень почёта» — звание генералиссимуса всех российских войск.

Швейцарским походом Суворов дополнил и обогатил свою «Науку побеждать» новым понятием — отступления как средства активной обороны. Но введение этого понятия в суворовскую «Науку побеждать» нисколько не меняет нашего представления о нём, как о «генерале Вперёд».

Пассивная «ретирада» (отступление) всегда была ненавистна Суворову. «Ни о каких ретирадах в пехоте и кавалерии не мыслить», — писал он в 1796 году в «Науке побеждать». В 1799 году, в Италии, приказывая Багратиону обучить суворовским приёмам боя австрийские войска, Суворов напоминал: «А от ретирад отучите».

Поступая так, Суворов преследовал цели военно-воспитательные.

«Шаг назад — смерть, — говорил он, — вперёд — два, три и десять шагов позволяю».

Однако «глазомер» полководца подсказывал ему, что «все кампании различны между собою».

Суворов считал, что солдата незачем учить отступлению, но он прекрасно понимал, что полководец должен уметь не только наступать, но и отступать, когда этого требует «глазомер». По собственному признанию, он вынужден иногда оглядываться назад, но не с тем, чтобы бежать, а чтобы напасть.

Оборона и отступление в военном искусстве Суворова — лишь временные меры, в интересах сохранения живой силы и боеспособности армии. «В том и состоит военное искусство, чтобы вовремя отступить без потери, — пишет он в одном из своих наставлений. — Уступленный пост можно снова занять, а потеря людей невозвратима: нередко один человек дороже самого поста».

В тех случаях, когда Суворов и суворовцы обращались к обороне, они проводили её всегда активно, так что она дорого обходилась противнику.

Уводя своих «чудо-богатырей» из-под удара вражеской армии, Суворов не переставал твердить, что он ведёт свои войска «на отдых». А в голове его уже зрели замыслы новых наступательных действий против Франции.

Находясь вдали от Петербурга, Суворов не знал, что во внешней политике Павла I наступил перелом. Полный разрыв с Австрией становился неизбежным. Подготавливалось сближение царской России с республиканской Францией.

25 декабря 1800 года, в Богемии, где расположились русские войска, Суворов получил рескрипт Павла: «Обстоятельства требуют возвращения армии в свои пределы... Идите домой немедленно».

Суворовская армия потянулась на родину. Сам он выехал вперёд, так как усилившееся нездоровье требовало лечения. Однако Суворов не сдавался, не хотел считать себя больным. Он упорно отказывался выполнять предписания врача, не желая отставать от своих солдатских привычек, и то и дело повторял: «Ведь я солдат». И на замечания выведенного из терпения врача: «Вы — генералиссимус», ответил: «Так, но солдат с меня пример берёт».

В Петербурге Суворову готовили триумфальную встречу, с пушечной пальбой и колокольным звоном. Суворову казалось, что вот, наконец, наступило заслуженное признание его трудов на славу родного оружия, на пользу родной страны.

Тем неожиданнее для Суворова был объявленный ему в приказе по армии оскорбительный выговор «за то, что он в походе имел при себе, вопреки уставу, по старому обычаю, неперменного дежурного генерала». Это была явная придирка. Однако за этим выговором последовала отмена приготовленной торжественной встречи. Старая неприязнь к творцу русской национальной «Науки побеждать» вступала в права свои. Вместо признания царём великих заслуг Суворова-полководца его ждала немилость.

23 апреля 1800 года Суворов приехал в Петербург. Вместо Зимнего дворца, где ему готовили пышные апартаменты, Суворова отвезли в дом его родственника Д. И. Хвостова на Крюковом канале. Там он жил на положении почти заключённого. К нему не смел никто приезжать.

Несмотря на болезнь, Суворов не только сохранял интерес к политическим и военным вопросам, но даже возобновил занятия турецким языком. Впрочем, это продолжалось недолго. Скоро в состоянии больного наступило резкое ухудшение. Он бредил Генуей, очевидно вспоминая свой несбывшийся план наступления в Генуэзскую Ривьеру.

7 мая поэт Г. Р. Державин, певец суворовских побед, писал соратнику Суворова И. О. Курису: «вчера в пополудни в 3 часа героя нашего не стало. Он с тою же твёрдостью встретил смерть, как и много раз встречал в сражениях. Кажется, под оружием она его коснуться не смела. Нашла время, когда он уже столь изнемог, что потерял все силы, не говорил, и не глядел несколько часов. Что делать? Хищнице сей никто противостоять не может. Только бессильна истребить она славы дел великих, которые навеки останутся в сердцах истинных россиян».

На могиле Суворова в Александро-Невской лавре начертана краткая и многоговорящая в своём лаконизме надпись, придуманная Державиным: «Здесь лежит Суворов».

* * *

Меньше чем через год после смерти Суворова умер его главный недруг — Павел I. Пока он был жив, о Суворове молчали. Но прав был Державин. Суворов не мог умереть в памяти своих соратников. Не могли изгладиться в русской армии и высокие суворовские традиции.

Верность этим традициям помогла героям Отечественной войны 1812 года сокрушить военное могущество Наполеона.

Несколько школ русского военного искусства нет. Есть одна школа, и традиции её дожили до нашего времени. Каждая историческая эпоха вносит нечто новое, своё, в общую сокровищницу русской военной мудрости, но преемственность не нарушается.

Великая отечественная война протекает в условиях, о которых и не мыслил Суворов. Современное военное искусство во много раз сложнее суворовского. Но самый дух суворовской школы не умирает. И каждый день переживаемой нами народной эпопеи с небывалой силой подтверждает глубокую жизненность заветов Суворова.

Великие победы наших дней знаменуют новое торжество русского национального военного искусства. Вот почему именно сейчас наблюдается такой интерес к нашему героическому прошлому, в частности к Суворову.

Суворов придавал большое воспитательное значение историческим примерам. Он призывал учиться у прославленных полководцев минувших веков, следовать за ними, «поровняться и обогнать» их.

Верховный вождь Красной Армии недаром назвал имя Суворова в числе немногих других имён наших великих предков, чей мужественный образ должен вдохновлять нас в борьбе с врагом. Суворов — это символ нашей военной сла-

вы, беззаветной преданности отечеству, несокрушимости русского боевого духа и высокого превосходства нашего национального военного искусства. Вот почему именно в дни Великой отечественной войны учреждён в нашей армии орден Суворова.

Орлы и соколы Красной Армии — достойные потомки суворовских «чудо-богатырей». Памятуя завет великого полководца: «Недорубленный лес опять вырастает», они гонят и истребляют немецкие орды. В грохоте и огне победных салютов гордо звучит старая суворовская истина: «Русские прусских всегда бивали».

Редактор *О. Сенкина*

исано в печать 26 января 1945 г. Тираж 30 000 экз. А12243
Объем 2¹/₈ п. л. Заказ № 646. Цена 75 коп.

я типография «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига»
ОГИЗа при СНК РСФСР.
Москва, Краснопролетарская, 16.